

Александр Малахов

С К
ОВРЕМЕННОКИ
И ЛАССИКИ

ИГРУШКИ

Современники и классики

Александр Малахов
Игрушки (сборник)

«Интернациональный Союз Писателей»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Малахов А. Е.

Игрушки (сборник) / А. Е. Малахов — «Интернациональный
Союз Писателей», 2019 — (Современники и классики)

ISBN 978-5-00153-062-6

Жизнь жителей села в перестроечные годы стала меняться до неузнаваемости. Людям пришлось психологически и морально подстраиваться под подрыв жизненных устоев, переоценивать своё отношение и к окружающему миру, и к самим себе. О вечных ценностях – любви и преданности родной земле – повествует эта книга.

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-00153-062-6

© Малахов А. Е., 2019
© Интернациональный Союз
Писателей, 2019

Содержание

Об авторе	6
Пусть лучше мне будет хуже	8
I	8
II	12
III	14
IV	16
V	19
VI	23
VII	26
VIII	28
IX	31
X	33
XI	38
XII	39
XIII	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Евгеньевич Малахов

Игрушки

© Александр Малахов, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Об авторе

Малахов Александр Евгеньевич родился 7 октября 1967 года в селе Кладовое Губкинского района Белгородской области. В 1987 году окончил Белгородский индустриальный техникум по специальности «Телевизионная техника и радиорелейная связь». С 1987 по 1989 год проходил срочную службу в Московском округе ПВО. После увольнения работал наладчиком

автоматических линий на автомобильном заводе АЗЛК. Более двух лет проработал в органах внутренних дел Люблинского района города Москвы. С 1992 по 1997 год обучался в Белгородском государственном университете по специальности «Филология».

Автор сборников стихов «Разговор с тишиной» и «Свет вечерних дум».

Печатался в журналах «Подъём», «Всерусский соборъ», «OZON», еженедельнике «Литературная Россия».

Член Союза писателей России.

Пусть лучше мне будет хуже

Повесть

К. М. посвящается

I

Начинались вступительные экзамены в институт.

С раннего утра в длинном полутемном коридоре то здесь, то там стали появляться взволнованные, отчасти испуганные лица молоденьких девушек, редко – парней, которые внимательно, изучающе рассматривали красочные стенды с умными, ставшими крылатыми выражениями и высказываниями известнейших светил науки, как гуманитарно-духовной, так и технически-прикладной, с обязательным масляным портретом великого их обладателя, к коим некоторые тяготеющие (в художественном смысле) индивиды-студенты посчитали своим неременным долгом добавить, привнести что-то туда, где этого не хватает, недостает, и вычеркнуть, убрать (замалевать или сцарапать) то, что, по их разумению, является совершенно лишним или даже чрезмерно излишним для данного светила человеческого разума. И потому на четко прорисованных институтским художником портретах появились рыцарские усики, козы бородки и рожки, об истинной принадлежности коих и поминать не хочется. К крылатым выражениям добавлены не менее «крылатые» словоформы, большей частью употребляемые на заборах и под заборами, а теперь уже, с выдвиганием человеческой расы-цивилизации в новое тысячелетие, громогласно явленные из заплеванных кабаков и подвалов-алкашеприемников тишайшей части законопослушных граждан, на стены институтов, дворцов культуры и других общественных учреждений, где словесные изыски несостоявшегося поэта или писателя оценят по достоинству народные массы.

Низший из штилей возвращается народу, не подогрето-шаткому и подогрето-падкому, а выученному, образованному и желающему всячески образоваться.

Неспешно проходят по коридору последние проснувшиеся, выпавшиеся и отдохнувшие от научных бдений студенты, отыскивая необходимую аудиторию по знакомым лицам сокурсников.

Еще робкие абитуриенты отесняются в конец коридора, где горой возвышаются учебные столы, подготовленные для покраски. Свободные пустоты между угловатыми пирамидами занимают поступающими из боязни попасть под окрепшие плечи старшекурсников.

Режет уши оглушительный звонок, и распахнутые двери выпускают в коридор говорливые группы будущих учителей и руководителей учебных заведений, пока еще не приобретших должной важности и солидности и не прочувствовавших всей ответственности перед родителями своих будущих учеников и перед страной в целом за воспитание жизнеспособного подрастающего поколения. И потому они смеются, балагурят, обнимаются, выказывая тем самым молодецкую солидарность и простое единство душ всего студенчества.

Постепенно многоголосая орава рассасывается по аудиториям, затихает шарканье, цоканье каблучков. Снова берет противно высокие ноты электрический звонок, эхо уносит его в глубь коридора.

Рой пылинок, поднятый толчеей и беготней, высвеченный выбравшимся за верхушки тополей уже горячим солнцем, медленно оседает на столах, отчего они кажутся еще более жалкими и ветхими.

Слышны глубокие вздохи, шуршание страниц. Перебираются, сортируются шпиргалки и рассовываются по карманчикам и складкам одежды, дописываются нудные, незапоминающиеся правила на еще незагорелых, мечтающих о прохладном песке пляжа ножках и прикрываются до подходящего случая шуршащей юбкой средней длины.

Экзамен – дело серьезное, и идти на него нужно во всеоружии.

Девушки нервно поглядывают на часы: время экзамена неминуемо приближается. Дрожь в коленях учащается вместе с частотой сердцебиения. Начинается хождение от одной стены до другой, а перелистывание страниц уже измученных учебников напоминает роение пчел.

Луч света сквозь пыльное окно косо падает на лицо девушки, стоящей поодаль, высвечивая ее большие печальные глаза. По тому, как она бегло просматривает страницы учебника, видно, что не боязнь предстоящего экзамена угнетает ее, и потому Олег чувствует, что печаль эта внутренняя, глубинная; какая-то боль мешает большим, под редкими длинными ресницами глазам воссиять радостью, для которой они и были созданы: карие, с лучиками изумрудных волн и еле заметными золотыми ниточками-жилками.

Непослушная тоненькая прядь волос падает на книгу. Она легким движением отводит ее в сторону, на мгновение отрываясь от чтения, поднимает широко раскрытые глаза, отчего они становятся еще милее и печальнее, внимает окружающему шуму, суете и витающему в душном воздухе волнению, снова плавно опускает голову.

Она стоит в стороне, совсем одна. Все остальные девушки, разодетые как для показа мод, источая все возможные и невозможные дразнящие, манящие и дурманящие ароматы, стоят шумливой стайкой, больше болтая, чем думая о первом экзамене.

Беспрестанно хлопают двери: приходят и уходят абитуриенты; преподаватели ищут свободную аудиторию для своих студентов, не особенно жаждущих в такую жару сидеть в классе, мучить свои размякшие, разомлевшие тела и внимать разогретой головой мерному журчанию лекции.

Приемная комиссия заняла наконец свое законное место с опозданием почти на полчаса. Девушки подошли ближе к двери, за которой должна решаться судьба их дальнейшего образования, теперь уже высшего.

Никто из абитуриентов не рвется первым, но все прекрасно понимают, что от судьбы не уйдешь, и потому даже сквозь кремы и пудры на лицах многих желающих продолжить обучение девушек проступает бледность волнения.

Она тоже подошла поближе, выступив из полумрака коридора. Короткое, легкое, в белый горошек платье свободно облегалo статное тело, поднятое над некрашеным, вытертым, отполированным обувью полом на высоких белых туфлях. Тонкие, чуть подкрашенные розовой помадой губы плотно сжаты. Непослушный локон оказался частью прически, опускаясь слева от глаз каштановой змейкой к лунообразному подбородку. Глаза теперь наполнились светом, ожили и вместе с остальными испытующе смотрели на кричаще белую дверь аудитории.

Только теперь Олег понял, что его взволновали не только высвеченные украдкой солнечным лучом задумчивые ее глаза и не только ее точеная фигура и непослушный завиток волос – она взволновала его вся в целом, не делимая на отдельные пропорции тела и цветовую гамму. Она была просто красавица. Нет, не облепленная граммами косметики, не принявшая так широко везде рекламируемые, сводящие с ума бизнесменов, маклеров пропорции, отбираемые ревностно ими для служебной своей значимости или, как говорят, визитной карточки, стараниями массажистов и других всевозможных лепителей сладких куколок.

Ей было лет восемнадцать, и по этой простой причине она вряд ли успела воспользоваться услугами телесных благодетелей. В ней красота была не вымученной сидением на диете – в ней она была природной, естественной, дарованной; той красотой, что не лезет напоказ, а скромно старается не попадать под яркий солнечный свет, чтобы не показаться его ставленницей, наперсницей, несущей кроме умиротворенного тепла еще и безмерное восхищение в

виде раскрытых ртов и одобрительных или завистливых покачиваний головы и, конечно же, вздохов: «Вот бы мне...» Красота, влекущая естественном, а не плотской похотью.

Что-то подобное промелькнуло и в его ошалевшей голове, и теперь он тупо пялился на нее, может быть, и с приоткрытым ртом, ошарашенный таким внезапным явлением. Мысль познакомиться с ней или, на худой конец, узнать хотя бы имя теперь вместе с сердцем рухнула в бездонную пропасть и схоронилась в самом темном углу, как крохотный котенок в незнакомой пустой комнате. И он теперь подпирал стену, не в силах от нее (стены) оторваться; рубашка взмокла и прилипла и к стене, и к спине. И теперь только внезапное землетрясение или наводнение могли сдвинуть его с места.

Пришли двое низкорослых мужиков в рабочих спецовках, пахнущие свежей сосновой стружкой и одновременно затхлым, сырым воздухом непрогретой подвальной мастерской, и природных катаклизмов не потребовалось, чтобы заставить Олега расстаться с невольно облюбованной им стеной. Они выдернули из пирамиды первый попавшийся под руку стол, и один гладко выбритый улыбчивый рабочий с длинными пышными усами, совершенно закрывающими верхнюю губу, деловито крикнул:

– Па-берегись!

Олег неожиданно для себя оказался прямо за спиной прекрасной незнакомки. Ноздри зашекетало терпкой ландышевой свежестью: поплыл длинный пыльный коридор, пестрые платья – юбки – брючки. Олег прикрыл глаза, на мгновение забылся, жадно вдыхая неожиданную, ароматно пьянящую свежесть, приподнявшись на носках, и ему нестерпимо захотелось увидеть – и прикоснуться рукой к источнику такой обворожительной божественной радости. Он открыл глаза, затаив дыхание, и через ее плечо в листке, который она бережно держала в полусогнутых руках прямо перед собой, как билет на редкостное зрелище для придирчивого контролера, высмотрел имя – Олеся.

«Такое же редкое, как и она сама», – мелькнуло в голове Олега.

Больше ничего прочитать он не успел, потому что дверь резко распахнулась, освежив на мгновение стоявших рядом всплеском вытесненного ею воздуха, и секретарь приемной комиссии в больших затемненных очках, не глядя в перепуганные, взволнованные лица, куда-то в стену громогласно сообщила:

– Первая пятерка!..

Повисло тягостное молчание; девушки нехотя переступили через порог, словно их пригласили не для сдачи экзамена, а в пыточную камеру, и дверь, цокнув защелкой, снова пустила по лицам благодатную струю воздуха.

Сердце у Олега екнуло, и он машинально отодвинулся к уже знакомой его спине всеми шероховатостями, покрашенной темно-синей краской в рост человека стене.

Его двоюродная сестра Наташа, ради которой он здесь, собственно, и находился, помогая ей спокойно ориентироваться внутри институтских корпусов и не плутать понапрасну по знакомым ему за пятилетнее обучение гулким паркетным коридорам, вошла на предметную беседу одной из первых, считая, что таким образом времени на подготовку ответа будет гораздо больше, чем у следующих испытуемых, и скорее исполнится основная жизненная формула: чему быть – того не миновать. Это ее качество Олегу нравилось. Кроме того, она была нормального для девушки роста, стройна, правда излишне худощава, не жалела дорогой косметики для подчеркивания редких стреловидных бровей над васильковыми, большей частью задумчивыми глазами, чуть припухлыми, накрашенными густо ярко-красной с блестками помадой обиженными губами и узким заостренным подбородком.

Молчание было естественным ее состоянием, и Олегу с большим трудом удавалось подыскать подходящую тему и «раскачать» ее своими разговорами, чтобы заставить наконец раскрыться алым бутончиком не желающие шевелиться губы. Эта излишняя замкнутость и

молчаливость иногда выводила общительного жизнерадостного Олега из себя, что непременно сказывалось на его настроении.

Когда он очнулся от задумчивости и устремил отрешенный до того взгляд на дверь, Олеси возле нее уже не было.

...Наташа выпорхнула из аудитории раскрасневшаяся, непрерывно улыбаясь, и тут же сунула в руки Олегу экзаменационный листок.

– Четверка! – радостно и счастливо сообщила она.

– А больше и не надо! – не раздумывая выпалил Олег.

И она, окрыленная успехом, даже не уловила безразличных ноток в его голосе.

Наташа фыркнула, сдула, выпятив нижнюю губу, волосы со лба и потащила несопротивляющегося Олега к выходу.

Солнце висело уже в зените и палило нещадно, так что даже самые терпеливые, укрывшись в тени старых раскидистых кленов, сидели с прищуренными глазами на деревянных скамейках.

Основная студенческая масса, заняв до сумерек ближайšie к переливающейся ослепительными чешуйками волн парной воде места на промытом дождями песке с редкими матового цвета ракушками, усердно меняла молочный цвет кожи на болезненный, чувствительный, особенно ночью, цвета вареных раков.

На лбу Олега появилась испарина, и густые вьющиеся волосы, нависая над бегающими из стороны в сторону глазами, заблестели, словно смазанные гелем.

Наташа рассказывала о придирчивой приемной комиссии, и Олег краем уха ловил отдельные фразы: «А здесь запятую зачем поставили... что из этого следует... кто виновен...», а сам тем временем рассматривал жирного пушистого кота, зорко следящего из-за толстого морщинистого ствола клена, прижав уши, готовясь в удобный момент кинуться в стайку худых голодных воробьев, терзающих, жадно чирикая и напрыгивая друг на дружку, еще не пожухлую банановую шкурку, брошенную на тротуаре бестолковым свинтусом или специально оставленную для растяпы, не желающего смотреть себе под ноги.

Он думал об удивительном неожиданном чувстве свежести, совсем недавно ворвавшимся в его разогретую грудь глотком живительного целебного нектара, и глаза теперь искали среди аллеи место, где таким же волшебным образом может возникнуть целая поляна изумрудных ландышей со множеством крохотных белых колокольчиков на тонких, но крепких стебельках, источая невидимыми лучами прямо в душу пульсирующую музыку живой природы. Упасть обессиленно в самую гущу цветочной страны и до умопомрачения надыхаться ландышевым ароматом, о всепоглощающей мощи которого он до сегодняшнего дня и не подозревал.

А может быть, во всем виновата она?.. Возникшая внезапно в его размеренной спокойной жизни, которая от этого наполнилась новым смыслом, природными красками и звуками...

Потные, противно липкие тела вернули Олега из бесконечного, необъятного мира мыслей и размышлений в раскаленный плиточный мир троллейбусной остановки. Втолкнув охающую Наташу в огнедышащий блестящими ртами салон троллейбуса, в железном нутре которого, как в разогретой духовке, ей придется париться до окраины города, до конечной остановки, где жила ее родная тетка по отцу, он посмотрел вслед высекающей в проводах косые трескучие молнии машине, и не чувствующие уже угольного жара асфальта ноги медленно потащили его измученное ватное тело в институтскую аллею...

II

В квартире было неестественно тихо и пусто. Олег захлопнул дверь; поток потревоженного воздуха толкнул его в грудь. Сбросил с разогретых ног туфли и, мягко ступая по ковровой дорожке, хотя тревожить было некого, прошел прямо в зал, сумку поставил у стола, а сам тяжело опустился на стул. Сквозь незашторенное окно балкона было видно, как на пятом этаже дома напротив плотный, с залысинами мужчина без рубашки сидит за столом, а чуть полноватая жена его суетится около, видимо, кормит ужином. Олегу есть не хотелось, и он отвернулся от окна, вытянув ноги под стол. Появилось неопределенное желание чем-то заняться. Голова была полна впечатлений от встречи с очаровательной девушкой с редким именем Олеся, и он, подтянув к краю стола пачку писчей бумаги, попытался облечь толпившиеся беспорядочно мысли в словесную форму, но, перечеркнув несколько патетических строчек и наставив шахматное поле многоточий, резко отодвинул листы на другой конец стола, к стене, и заложил книгами. Сам перевел отсутствующий взгляд на вылинявший персидский ковер и замер в таком положении.

Тело немного остыло от душного уличного воздуха, и теперь рубашка, совсем недавно отяжелевшая от пота, снова стала неошущаемой, невесомой.

Сквозь стук ровно бьющегося сердца, отдающегося в ушах распухающими воздушными пузырьками, он вспомнил ее, всю, до мельчайших подробностей, и сердце тут же учащенно забарабанило в ушах. Он ощутил шелест и воздушное плесканье ее платья, хлынувшие в его раскаленные и без того ноздри терпкой свежестью росистого утра и даже, воспламененный живостью ощущений, представил ее в своих объятиях, но лишь на мгновение, а потом сразу же появилось совершенно новое, незнакомое чувство физической отстраненности телесной оболочки от духовной ее наполненности. Он ощутил ее могущество, ее музыкальную безграничность, сокрытую в драгоценной шкатулке от въедливых плотских взглядов мелодию, подвластную только одаренному тончайшим слухом мастеру.

От таких неожиданных мыслей Олегу стало еще грустнее, а мозг хотел уже снова заключить сказочную нимфу в пламенные объятия, но Олег сильно тряхнул головой, не желая вконец испортить и без того паршивое настроение низменными животными повадками.

Помимо его воли, без его всеодобряющего на то согласия ее загадочный образ отпечатался в мозгу, крепко-накрепко засел в его пространстве, вытеснив все прежние кукольные образы с глянцевых обложек фирменных журналов.

«И что же делать?» – явилась первая разумная мысль. Внутренний голос, более рассудительный и морально трезвый, решил, что он с нею познакомится волею случая и, скорее всего, она окажется обычной куколкой, хотя и не слишком вымалеванной, но с первых слов сразу же станет ясно ее истинное предназначение – туманить мозги и выкручивать шеи падким на клубничку мужчинам, в чем их и упрекать, собственно, нельзя, ведь, по утверждению классика, красота призвана спасти мир, на худой конец – от нас самих.

Но он чувствовал, что что-то очень важное ускользает от него; ускользает разгадка объявшей внезапно все его существо тревоги, ускользает, как ускользнула когда-то быстро и неожиданно первая любовь.

...Он вернулся с Севера, где проходил трехмесячную преддипломную практику. Вернулся бодрый, пропитанный насквозь сосновым запахом бесконечной тайги, вкусив крепость морозов и вяжущий кисловатый аромат растущей прямо у жилого вагончика на моховых кочках клюквы. Он сам попросился подальше от большой цивилизации – поближе к самому краю материка, не закопченному еще отбросами газовой индустрии и потому сияющему крахмальной голубизной соединяющего небо с землей снега.

Захотелось повидать мир. И потом об этом он никогда не пожалел, потому что больше такой возможности ему не представилось...

Он широко шагал по техникумовскому коридору в пышной кроличьей шапке и дутым ватнике нараспашку, еще чувствуя себя важным полярным медведем, а ему навстречу шла Она с длинными распущенными волосами и неестественно большими голубыми глазами на загорелом лице, быстро удаляясь, цокая каблучками по молочному глянцу кафельного пола. Она только мельком взглянула на него, даже не повернув головы, а только скосив в его сторону, как для немого приветствия, пламенные голубые очи. И у него почему-то не возникло естественного бессознательного желания оглянуться и с другой стороны оценить промелькнувшее волнительным очарованием стройное грациозное создание. Потом вздохнуть опечаленно по причине столь быстрого возвращения с ангельских высот в пучину серых однообразных будней и жить дальше, даже не помышляя о возврате жизненной киноплёнки назад, чтобы в нужный момент остервенело нажать кнопку «стоп-кадр» и замереть навеки с неопишным ощущением долгожданного бесценного приобретения.

Но этой мимолетной встречи было достаточно, чтобы лишить его покоя.

Почти каждый день у стен общежития, где непременно собиралась молодежь побренчать на гитаре, позубоскалить и просто убить-скоротать время, появлялся и он с одним-единственным желанием: увидеть ее. Классная заметила этот факт и подкалывала: «Губа у тебя, Олег, не дура: отличницу выбрал!» Потом он набрался-таки смелости и пришел с букетом алых роз поздравить ее с днем рождения. Отличница угостила его конфетами и мягко, наверное, чтобы не обидеть, предложила больше за ней не ходить.

До Олега как-то не сразу дошел смысл сказанных ею запросто, как о смене надоевшего платья или прически, слов, но ни капли обиды на ее неспособность взглянуть в самую глубину чувствительной души его сквозь полноватое лицо с маленьким с горбинкой носом и пронзительными зеленоватыми глазами и не обнаружить там ни капли обычного волокитства за юбкой редкостного покроя он не ощутил; решил не навязываться и исполнить ее желание – попятился боком к двери, бросив беззлобно напоследок короткое: «Ладно»...

Через широкую пустынную полутемную улицу с мигающим желтым глазом светофора он брел, не глядя по сторонам, и его чуть не сшиб несущийся на бешеной скорости милицейский уазик. Появилось настойчивое желание провалиться сквозь землю.

Решил стать военным летчиком. Прошел вместе с двумя товарищами дотошную военную комиссию. Но военком перед самой отправкой настойчиво предложил сначала послужить в армии и потоптать кирзовые сапоги, а потом уже решать свою дальнейшую судьбу.

И после года службы он написал все-таки рапорт о желании стать военным, но на повторную комиссию не поехал – пропало желание. И служить он должен был не в центре России, а где-нибудь в Афганистане, к чему себя и готовил, занимаясь в парашютной секции. Ему казалось, что там, где стреляют, где от тебя одного, восемнадцати-двадцатилетнего человека, может что-то зависеть, он сможет доказать и себе самому, и другим искренность всех своих желаний. Но и это намерение не осуществилось. И он уже перестал о чем-либо мечтать, загадывать желания, заранее зная об их несбыточности. Но где-то в глубине души он надеялся, что после полосы неудач обязательно придет что-то светлое и радостное, что непременно сгладит боль прежних утрат. Нужно только терпеливо ждать и надеяться. Надежды в нем оставалось совсем мало, совсем чуть-чуть. Но он все еще ждал...

III

Тетя Вера, хозяйка квартиры, вернулась домой поздно, мягко прикрыв входную дверь. Более десяти лет она жила без мужа, умершего от запущенной язвы желудка, числилась в пенсионерах, но по-прежнему работала в прачечной на кирпичном заводе: копейка лишняя сыновьям не в убыток, а самое главное – не давит на психику постоянно гнетущая молчаливость пустой квартиры. Небольшая тучность нисколько не мешала ей бодро семенить на коротких, бугристых от закупорки вен ножках. Широкоскулое продолговатое лицо, с ярко-красными дорожками проступивших сквозь бледную кожу кровеносных сосудов хотя и было почти всегда задумчиво и печально, зато никогда не вспыхивало румянцем гнева, а опоясанные синюшными волнами глубоких морщин глаза удивляли своей потаенной мудростью, что сразу же поразило Олега, как только он впервые переступил порог квартиры.

Обычно старушки, пережившие не только своих буйных мужей, но и долгие годы лихолетья, становятся желчны, мелочны и частенько брюзжат на квартирантов без всякого на то повода. Старушкой тетю Веру Олег даже и назвать не мог, несмотря на ее шестидесятилетний возраст. Всем своим видом она являла образ добродушного зрелого человека, но никак не пожилой женщины, с толстыми серебристыми прядями седых волос на коротко остриженной по-мальчишечьи голове.

Она бесшумно прошла на кухню, выложила хлеб на холодильник и, заметив, что к еде никто не притронулся, тут же отыскала Олега, сидящего понуро за столом, проговорила по-матерински укоризненно:

– Опять ничего не ел!

Олег вздрогнул от ее громкого возмущенного голоса, ворвавшегося неожиданно в тяжелый густой сумрак комнаты, и попытался оправдаться:

– Да я...

– Вот я тебе! – Тетя Вера погрозила ему пухлым детским кулачком и улыбнулась.

Олег вытащил из-под стола затекшие от долгого неподвижного сидения ноги и, больше не сопротивляясь, как на ходулях, провинившимся школьником отправился вслед за строгим, но справедливым учителем...

Позже всех домой возвращался старший сын Вадим, который и являлся причиной ее постоянной задумчивости – пил безбожно. Работал он сварщиком в выездной ремонтной бригаде, и частые выезды на аварии в городском водопроводе и канализации оставляли достаточно времени для помощи населению, всегда нуждающемуся в ремонте своего небогатого ветшающего скарба. Помощь оказывалась незамедлительно со свойственной широкой русской душе щедростью, и проситель, совершенно счастливый, увозил подновленный велосипед, поставленную на резиновые ноги тачку или уносил под мышкой воссоединившийся с внезапно отвалившейся ручкой совок. А отзывчивый к людскому горю мастер со товарищи дегустировал «благодарность», коей за световой рабочий день набиралось штук пять-шесть бутылок.

Домой возвращался сам на автопилоте или с посильной, расшатанной до пяти баллов помощью более крепких на ноги после непомерной дозы выпитого товарищей-собутыльников.

Когда ноги доносили его до знакомой двери, обитой вытертым, когда-то ярко-голубым дерматином, он по-кошачьи царапался, ощупывал дверь, отыскивая ручку, хватался за нее, как за спасательный круг, и вместе с открывающейся дверью оказывался в оклеенном коричневыми под мрамор плиточками обоев коридоре.

Широкоскулое, как и у матери, лицо его, выбритое до синевы, заканчивающееся книзу узким заостренным раздвоенным подбородком, напоминало перевернутую грушу. Взъерошенные, с рыжеватым оттенком волосы на висках завивались и совершенно скрывали и без того

маленькие беличьи уши. Блестящие, отсутствующие глаза смотрели так жалобно, что у невольного свидетеля возвращения с работы блудного сына на глаза могли навернуться слезы.

Тетя Вера с увлажнившимся взором молча качала головой, отрывала от двери крепкое тело сына; он громко пыхтел, пытаясь передвигать ноги, почувствовавшие родные пенаты и потому совершенно не желающие нести хозяина еще целых пять метров до следующей за залом спальни. Там уже, разоблаченный матерью до трусов, он успокаивался и почти не шевелился, только иногда были слышны из-за закрытой двери чмоканье пересохших губ и глухой ухающий кашель.

Вторая жена его Дарья тоже довольно спокойно относилась к «хобби» мужа, лишь при вынужденной транспортировке его обмякшего студенистого тела из одной комнаты в другую приговаривая на каждом шагу в качающееся перед ее лицом ухо: «Ноги передвигай». Никаких оскорблений, во всяком случае в присутствии Олега, вроде излюбленного сравнения «свинья! опять нажрался, кровопийца» не звучало, но в то же время и безразличия во взгляде настырных смоляных глаз Олег не замечал.

С первой своей женой, выуженной из потаенных городских улиц еще до службы в армии, он расстался – по обоюдному согласию – сразу же по возвращении на гражданку: двух лет оказалось достаточно, чтобы разобраться в своих чувствах.

Дарья была очень симпатичная огонь-девка: маленькая, юркая, с острым хищным носиком и совершенно черная, как цыганка. И Олег никак не мог уловить всегда присутствующую схожесть в чертах характера и внешности жены и мужа.

Детей у них не было, да и откуда им было взяться, когда муж бездвижимым тюфяком ежедневно вальяжно заполнял постельное пространство и только далеко за полночь, разбуженный пустым желудком, не включая света, шатко отправлялся греметь кастрюлями на кухню. Набив желудок тем, что попадалось под руку, широко распахивал форточку, жадно выкуривал сразу две сигареты и так же на ощупь возвращался в спальню.

Тетя Вера спала на диване в зале, а Олег – в единственной спальне, отгороженный от супружеской пары широким платяным шкафом. Иногда ему казалось, что он своим присутствием мешает их интимным отношениям. Но у кого возникнет хоть малейшее желание, если рядом вместо пламенного трезвого мужа валяется ледяная, плюющая во все стороны сонная бесформенная глыба? Вадим и к Олегу, бывало, обращался за денежной поддержкой, и тот не мог отказать, видя его умоляющий слезливый взгляд приговоренного к вечным мукам каторжника.

Дарья относилась к Олегу безразлично, по-свойски, и он начал подозревать ее в совершенном безразличии к мужчинам.

Теперь же почти уже месяц Вадим находился в командировке на Украине, и тетя Вера совсем помрачнела и почернела от переживаний...

IV

Ранним субботним утром, когда солнце даже боковыми лучами еще не скользнуло в окно спальни, а только зажгло красный фонарь ослепительным отражением в окне соседнего дома, распухавший радужными бликами безвредной шаровой молнии, Олег почувствовал на лице неожиданное, неуходящее тепло, проснулся.

Тетя Вера шуршала вещами и пакетами в коридоре, и Олег догадался, что она собирается на дачу. Дарья еще в пятницу вечером уехала к матери в деревню.

Олег отвернулся от окна.

В прямоугольной раме, выкрашенной под медь, прямо на него взирало проретушированное черной тушью серьезное крупное, с двойным подбородком лицо покойного мужа тети Веры. Даже теперь под густыми мохнатыми бровями чувствовался его крутой нор, а тяжелый сверлящий взгляд, подчеркнутый густой качественной краской, не бледнеющей с годами, вызывал гнетущее чувство жгучего холода и вселенского одиночества.

Бесцельно коротать выходной, сидя в комнате и тупо пялясь в телевизор, замечая только мелькание лиц и цветных образов, ему не хотелось, и он попросился пойти вместе с нею. Тетя Вера сразу же согласилась, и не только из-за крепких молодых рук, но и из-за того, что рядом с Олегом в ней улягутся тревожные мысли о сыне...

На улице было еще безлюдно. Непрогретый воздух легким ветерком приятно щекотал ноздри. Длинный, разбитый тяжелогруженными машинами мост через спокойную неглубокую речку, уже бледно зеленеющую шевелящимися пучками водорослей у берега, осыпанный меловой пудрой соседствующего кирпичного завода, казался сказочно сахарным. А вдалеке, словно в тумане, вообще ничего не было видно, кроме черного жерла высоченной заводской трубы, нацеленной прямо в небо.

Растущие под мостом тополя тоже были покрыты ватными шапочками мела, отчего возникало ощущение невесомого движения по пухлым, опустившимся на землю облакам.

Шли молча. Олег – впереди, стараясь делать шаги покороче, чтобы старушка не запалилась. Краем глаза, когда она оказывалась сбоку, он видел, что долгое молчание вернуло пожилую женщину к ее тайным мукам, о чем говорили широко раскрытые, немигающие глаза.

На крутом глиняном взгорке она негромко попросила Олега взять ее на буксир. Он тут же участливо подставил руку.

Сразу на горке начинался густой смешанный лес с пахнувшей прелью и сыростью землей; только к осени, когда густые кроны деревьев редеют, она жадно впитывает в себя уже остывающие солнечные лучи. Жирная глина у натоптанной тропинки отливала гляncем. Внизу, по другую сторону холма, тянулись глубокие овраги, пересеченные плавным завитком березовой рощи, упирающейся прямо в городское кладбище, на окраине города.

Крупные полированные могильные плиты и кресты из нержавеющей стали горели мягкими серебристыми огоньками вечной памяти и скорби, видимыми только в этот ранний утренний час.

Тетя Вера остановилась, чтобы перевести дыхание, положив руку на сердце, дыша глубоко и часто. Олег смотрел на высокие отвесные темно-коричневые стены по другую сторону холма, срезанные работающим экскаватором, когда она вдруг спросила:

– А ты знаешь, что соседки говорят?.. Что я с тобой живу как жена с мужем.

Олег обернулся.

– Во как! – хмыкнул он. – Хороший комплимент.

Тетя Вера широко улыбнулась, и Олег обрадовался, что у нее поднялось настроение.

На голову, учуяв тепло человеческого тела, запикировали с угрожающим писком комары. Пришлось снова ускорить шаг, чтобы уйти от их назойливого преследования.

...Дачные домики, соседствующие узкой тропинкой, по которой двоим встречным и разойтись-то трудно, с толстой ржавой трубой водопровода по обочине, жались друг к дружке, как от вечного холода. Некоторые домики давно уже состарились одновременно со своими хозяевами, потемнели, заплесневели и заросли бурьяном; а может быть, рачительных некогда хозяев и в живых уже не было, а пустые холодные домики все ждали и ждали их прихода темными, залитыми грязными осенними дождями окнами. Кое-где возвышались одни только голые ящики безглазых деревянных стен, наполовину обложенные почерневшим силикатным кирпичом: по всему было видно, что народ тянется из последних своих жил-силенок, чтобы облагородить до прихода смертушки спокойное тихое местечко дачника-огородника, где кроме пышного разноцветья, с Божьей помощью, зарумянятся скоро крутобокие мясистые помидоры, откроет настырные бусинки ерных и красных глаз смородина, а потом уже, к самой осени, созреет и петровский подарок – картошка.

На заросшем молоденькими ивами бережку мизерного прудика, спасающего многоликий урожай при неожиданных недельных отключениях водопровода, неподвижно сидели два загорелых рыбака лет восьми. Лягушки раздували, как мыльные пузыри, зобы, и Олег засомневался, что в этом лягушатнике с желтой затхлой водой может водиться, кроме пиявок, и рыба. Но у мальчишек, видимо, было на этот счет совсем другое мнение, и они терпеливо взирали на вплавленные в неподвижную мертвую воду красноголовые шапочки поплавок.

Дача тети Веры оказалась ничуть не радостнее остальных построек и недостроенных. Изгородь покосилась и осела, Олег с трудом открыл жалобно и протяжно заскрипевшую калитку, пропуская хозяйку вперед.

Маленький одноэтажный щитовой домик с позеленевшими местами шифером скрывал в своем выкрашенном белой краской нутре старый провисший двуспальный диван, застеленный непонятного цвета покрывалом, небольшой коричневый коврик с желтыми оленями над ним, которые кочевые цыгане продавали раньше пачками; облезлый раздвижной стол, накрытый куском свежей светло-синей клеенки, полбуханки не съеденного от усталости, задеревеневшего хлеба на нем; пару тарелок, ложек, вилок на металлической полке; серый халат на гвозде и садовый инвентарь, аккуратно сложенный в свободном от хозяйственной утвари углу.

– Ты посиди пока, подыши воздухом, а я помидоры полью, – сказала тетя Вера, накинув халат.

– Как это я буду сидеть! – возмутился Олег. – Я изгородь поправлю и ступеньки сооружу перед калиткой, а то и ноги переломать недолго.

Тетя Вера хотела что-то сказать, но Олег взял лопату и, не оглядываясь, шмыгнул на улицу. Он не слышал, как она вздохнула сокрушенно и, глядя ему вслед, задумчиво проговорила: «Дает же Бог...»

Солнце уже осветило всю крышу домика в изумрудных моховых кляксах и квадратик крылечка, когда Олег дорезал ступеньки в земле лопатой, сложил дерн к изгороди и спрятался в тень старой-престарой черешни, вытянувшей в небо длинные морщинистые ветки.

Тетя Вера обошла еще раз весь участок, проверяя, не случилась ли где неожиданная оказия, подошла к Олегу и устало опустила на короткую, состоящую из единственной сосновой доски скамейку. Стащила с головы платок и старательно вытерла им потное лицо, так что оно тут же сделалось пунцовым. Поправив волосы растопыренными пальцами, она глубоко протяжно вздохнула и сложила руки на коленях.

– Что мне с Вадимом делать? – ни к кому конкретно не обращаясь, негромко проговорила она, выплеснув наружу горькие тягостные мысли. – Уйдет от него Дарья, чует мое сердце.

Олег вспомнил, что подобная мысль посетила и его, когда он, возвращаясь однажды из института, наткнулся на Вадима, специально ожидавшего его на углу дома. Он так и сказал Вадиму: «Сбежит от тебя Дарья!» Но тот и ухом не повел на предостережение, а только сверкнул мутными глазами при виде драгоценной бумажной купюры.

– Мы уж ему и снадобье на березовой коре варили, – продолжала она размышлять вслух, – все нипочем. – Может, работу ему другую подыскать, – то ли спросила, то ли предположила тетя Вера и зачем-то отерла сухое лицо платком.

– Пить везде умеют, – неуверенно вставил Олег.

– Да, видно, от судьбы не уйдешь, – не расслышав слов Олега или продолжая его мысль, поглощенная всецело своими думками, горько добавила она.

«От какой судьбы? – подумал Олег. – И кому от нее уходить?.. Вадим пьет как сапожник. И чего ему ломать голову о существовании другой жизни, совершенно противоположной и намного более сложной, запутанной до головной боли, если ему, с помутившимся заторможенным сознанием, разбирающим среди множества развлекательных неоновых-пестрых учреждений только дорогу до дома, последние самые трудные метры до кровати помогают осилить и аккуратно уложить отяжелевшее тело в горизонтальное положение и будут приглядывать, чтобы клекот в горле не задушил его окончательно. А может быть, он узнал, открыл для себя что-то такое, что трезвому благоразумному человеку с его рассудительностью и не снилось. И понять его может только тот, с кем он соображает на двоих или на троих, ведь к любому действию или поступку, радостному или горестному, понуждает разжавшаяся внезапно тугая или хлипкая пружина болевого порога мироощущения. А как же Дарья? А что Дарья!.. Свекровь на ее стороне, но любовь к родному сыну, частице ее самой, в продолжении которого она надеялась увидеть и понянчить дрожащими от волнения старческими руками плаксивых, но с таким душевным трепетом ожидаемых внуков, не знает увядания. А Дарья в то же время терпеливо, а может быть, и равнодушно, обзаведшись любовником и живя в свое удовольствие, переносит явление мужа, приносящего домой вместо цветов и зарплаты только сопли под посиневшим от пьянки носом. Жалость это или принятие своего мучительного жизненного креста, от которого, говорят, не уйдешь. И если браки заключаются на небесах, то женщинам, терпеливо сносящим мордобой и пьяные дебоши своего избранника, обеспечено вечное блаженство в неувядающем райском саду...»

– Бросит его Дарья, чует мое сердце.

V

Олег уже не спал, когда в щель между неплотно задернутыми коричневыми шторами в комнату проник разгорающийся день. Не вставая с постели и не отдернув штор, Олег решил, что понедельник будет утомительно жарким и сухим.

Сегодня у Наташи второй экзамен. И хотя он начнется только в девять часов, с шести часов сон Олега как рукой сняло. Он хорошо знал эту особенность своего организма, точнее, мозга – не проспать без будильника, когда от него кому-то требуется помощь и поддержка, пусть и столь незначительная. Но Олег прекрасно понимал, что присутствие рядом близкого человека частично снимает волнительный мандраж. Он не забыл, как сам трясся с экзаменационным листком, как ему казалось, больше остальных, ожидая встречи с судьбой, как немел язык и противно холодело от неожиданных мурашек тело. Рядом никого близкого и даже просто знакомого не было, кто мог бы поддержать его, впервые оказавшегося в огромном незнакомом городе в одиночестве.

Входной тамбур института не был еще освещен солнцем: огромный клен напротив не пропускал сквозь свою кудрявую пышную крону даже юрких солнечных бликов, и потому в огромные стекла тамбура можно было смотреться, как в зеркало.

Рядом никого не было, и Олег несколько минут строил мутному двойнику в стекле рожи, пока не обратил внимание на косо приклеенные липкой лентой на стекле листы бумаги с отпечатанными колонками фамилий абитуриентов, сдававших первый экзамен.

Палец Олега пополз снизу-вверх по буквам, лихорадочно отыскивая так сильно взволновавшее его имя Олесья. В колонке оказалось две Олеси. У одной напротив фамилии стояла «тройка», другая дотянула до «четверки». Олег, не желая зла ни той, ни другой, безумно захотел, чтобы «четверка» принадлежала именно его Олесе. С тройкой было мало шансов поступить, а он не мог просто так расстаться с взволновавшим все его существо образом. Он чувствовал, что это не просто желание присоседиться, очаровать красивую девушку, это было желание понять внезапно появившуюся в его нескладной жизни гармонию, когда внутренний мир человека являет собой зеркальное отражение чистого прекрасного внешнего. Он должен был перекинуться с нею хотя бы парой фраз, чтобы убедиться, что чудеса природы, воплотившиеся в ее грациозной внешности, не являются модным теперь желанием выделиться. Он желал убедиться, что не перестал понимать людей только по одному взгляду, иначе его стремление к целостному пониманию прекрасного исчезнет вместе с ушедшей Олесей...

Наташа примчалась в половине девятого, коротко поздоровалась с Олегом и повела его за собой.

Они шли по второму этажу, но сердце Олега потерялось где-то на первом, как у мальчишки, спешащего, спотыкаясь, на самое первое в его жизни свидание, и потому, кроме возлюбленного, прекраснейшего во всем мире образа, никого и ничего не замечающего. Олег издала сузил глаза, не привыкшие еще к полумраку коридора, отыскивая знакомое лицо. Сумрак коридора скрыл ошалелое выражение его лица, иначе он не простил бы себе, что волнение, не свойственное его спокойной натуре, взяло верх над благоразумием.

У уже знакомой больнично-белой двери стояли несколько девушек. Когда они подошли к ним, Наташа поздоровалась, а Олег только кивнул головой, убеждаясь, что Олеси среди них нет. Той прежней мертвенной бледности на лицах девушек не было, а некоторые даже хихикали, вспоминая, видимо, все страхи и ужасы первого экзамена. Судьба оказалась снисходительной: дело сдвинулось с мертвой точки, и теперь можно было слегка расслабиться. Завязались новые знакомства, объединенные общностью волнений и переживаний.

Девушки, увидев угрюмого парня, примолкли.

– Никак мужичка к нам Наталья привела? – прищутив глаза, поинтересовалась круглощекая черноволосая девушка в больших овальных очках, которую звали Вика. – Новеньким будет!

– Скорее стареньким, – промямлил Олег, к которому возвращался дар речи, и натянуто улыбнулся.

Олеси не было, и сердце его с первого этажа поднялось на второй, воссоединившись с телом; холодная волна, накатившая было на тело колкими ледяными иголочками, отступила под натиском заработавшего в полную силу сердца. Олег вернулся к своему обычному состоянию весельчака и говоруна и спустя несколько минут уже был окружен со всех сторон любопытными девушками и отвечал, жестикулируя, на бесконечные их вопросы относительно нравов преподавателей, особенностей обучения и очередного экзаменационного испытания.

Олег снова был в своей стихии и бесконечно дурачился, и острил, когда за спиной послышалось звонкое: «Привет». Он обернулся, чтобы не показаться невежливым, и уже на полуобороте выдохнул:

– Привет!

Прямо перед ним, в том же платье в горошек, с распущенными каштановыми волосами и сияющими глазами стояла Олеся. Сердце Олега снова захотело сбегать на первый этаж, чтобы скрыться там от чуть удивленного взгляда ее больших, ловящих каждое мгновение жизни глаз.

– А я думаю, кто это здесь такой умный, – улыбнулась Олеся.

Сердце от такого милого, без тени иронии и сарказма приветствия тут же успокоилось, и Олег почувствовал, что знакомство состоялось.

Перед глазами Олега распускались душисто и белоснежно ландыши, когда без пяти минут девять секретарь приемной комиссии открыла дверь и пригласила всех занять места за столами. На этот раз на очередную встречу с судьбой девушки двинулись смелее.

Олеся не торопилась войти, словно чего-то ожидая. Через порог она переступила последней, мельком взглянув на Олега, и ей досталось место за первым столом, так как все остальные были уже заняты шустрými ее сверстницами: подальше сядешь от стола комиссии, сможешь при случае улучшить момент и чего-нибудь содрать с заранее приготовленных шпаргалок.

Дверь была приоткрыта, и Олег видел посерьезневшее лицо Олеси.

– Пишут? – глухо спросил, старательно вытирая лысеющую голову большим носовым платком, подошедший к нему грузный мужчина лет пятидесяти.

– Только сели, – уточнил Олег.

– И долго будут сидеть?

– Четыре часа.

Мужчина взглянул на часы, попыхтел, как трогаящийся с места паровоз, и сказал вслух сам себе:

– Успею пива попить...

Олег пиво не особенно жаловал, как некоторые мужчины, готовые цедить его бочками, особенно если имеется еще и лепешка леща или другой манящей солеными боками рыбешки, но чего-нибудь прохладненького выпил бы.

Время тянулось неестественно медленно. От долгого сидения стали затекать ноги, и рубашка то и дело прилипала к спинке стула. Но вставать не хотелось, и Олег наклонялся вперед, забрасывал ногу за ногу, чтобы хоть как-то облегчить телесные страдания.

Дверь в аудиторию была по-прежнему открыта, оттуда доносились изредка шелест бумаги и скрип шариковых ручек, от слишком усердного нажатия на них. Олеся сидела неподвижно, слегка склонив голову набок, сосредоточившись и собираясь с мыслями. Он не видел ее лица и не знал, о чем она сейчас думает. Но ему страстно хотелось, чтобы она хоть на мгновение вспомнила, что совсем рядом, за дверью, сидит он, мучает свое тело и сознание, чтобы только видеть ее.

Внезапно и совершенно бесшумно из аудитории выпорхнула девушка с бледным испуганным лицом, плотно прикрыв за собой дверь. Олег укоризненно посмотрел ей вслед, вздохнул и, откинув голову назад на прохладную гладкую поверхность стены, закрыл глаза. Он любил в тягостные и долгие часы ожидания сидеть вот так с плотно закрытыми глазами и всматриваться в темноту, изредка двигая глазами из стороны в сторону, отчего в бесконечном мраке вспыхивали расплывчато, но ярко, словно первые звезды на темнеющем небосводе, розовые огоньки. Создавалось впечатление, что ты умер, но глаза твои, уже бестелесные, улавливающие теперь все до мельчайших подробностей, ведут измученную душу к чему-то загадочному и несбывшемуся, отчего ей становится легко и радостно, и не хотелось возвращаться, открывать глаза, чтобы прервать этот бесконечный сказочный полет...

Безжалостно грубо и шумно в его затянувшийся полет ворвался стук двери, и Олег нехотя разомкнул слипшиеся веки. Девушки одна за другой со вздохами облегчения и редкими улыбками выходили в коридор. Олег ощутил, что совершенно не чувствует ног. Он попытался пошевелить ими, но конечности отказались выполнять его желание. Тогда он руками раздвинул их в стороны и почти тут же почувствовал движение крови по венам, прилив жара, словно их обдали кипятком, и тупую, медленно нарастающую боль. Олег стиснул зубы, чтобы не застонать, и замер, терпеливо ожидая конца пытки.

К нему подошла Наташа.

Олег поднял голову.

– Подожди, я сейчас оживу, – проговорил он сквозь зубы, сильно нажав ладонями на колени.

Видя, что Олегу немного не по себе от долгого сидения, Наташа, не дожидаясь расспросов, заговорила сама:

– Вроде бы написала. Темы, конечно, не самые легкие, но и-и-и...

Она замолчала, не находя подходящего выражения, нервно поправила и так аккуратно уложенные волосы на голове и продолжила:

– Вообще я думаю, что написала неплохо.

Ноги Олега наконец-то вернулись во власть его мозга, и он медленно встал, заглядывая в открытую настежь дверь аудитории. Олеси за столом не было.

«Неужели ушла?» – тут же молнией пронеслось в голове, и холодок прогулялся по телу.

– А как остальные? – спросил Олег, прерывая затянувшееся молчание.

– Не знаю, – безразлично ответила Наташа, – еще не все вышли.

– И кто же выйдет последней, – не то спросил, не то просто сказал, чтобы хоть что-то сказать, Олег.

Последней вышла Олеся. Олег обрадовался, что не проспал ее, и хотел было улыбнуться, но, увидев бледное лицо и усталые, потухшие глаза, сдержался.

Олеся медленно вышла из аудитории и вполоборота остановилась возле них.

– Тяжко? – спросил он, понимая, что ей сейчас от усталости просто не хочется говорить.

Олеся кивнула.

– Тогда давайте немедленно покинем эту камеру пыток, – попытался поднять настроение Олег.

В глазах Олеси, внимательно взглянувшей на него, блеснули было радостные искорки, но тут же безвозвратно погасли, не в силах побороть усталость.

На улицу вышли молча и двинулись к остановке, стараясь держаться в тени развесистых, измученных жарой берез. Ручьи народа текли во все стороны, сталкиваясь, гневно растекаясь и снова набегая друг на дружку. Напрасно пытался Олег держаться ближе к Олеся. Пышущая жаром безмолвная человеческая масса безжалостно оттесняла его, но он не злился и не отставал, сопротивляясь более мощному встречному течению. Когда пробрались-таки к остановке, Наташа вдруг сказала восхищенно:

– А знаете что!.. Нужно нарушить традицию насчет одежды, в которой везет на экзаменах, и срочно купить на последний экзамен что-нибудь новенькое. Едем на рынок.

Олег ненавидел рынки за постоянную толчею и возню у прилавков, но сейчас появилась возможность подольше не расставаться с Олесей, и он ухватился за эту неожиданную Наташину идею как за спасательный круг.

– Поедем, Олеся, – робко предложил он.

– Я придерживаюсь старых правил, – после небольшой паузы ответила Олеся.

– Еще что-нибудь себе присмотришь, – умоляюще предложил Олег и тут же возненавидел себя за свою настойчивость.

– У меня все есть, – так же тихо добавила Олеся. – Я очень устала, извините. Мой троллейбус подходит, я поеду.

Она подняла на Олега ставшие еще более печальными глаза и коротко помахала рукой. У Олега внутри что-то оборвалось.

Олеся уехала, и теперь идея поехать на рынок за какими-то новыми тряпками стала ему просто противна, но он дал свое согласие при Олесе и теперь не мог отказаться. Он хотел было предложить Наташе отложить эту никчемную утомительную поездку, но удержался, в сердцах махнул рукой и полез вслед за ней в другой, подошедший следом троллейбус.

VI

Следующие два дня перед последним, третьим экзаменом Олег отходил от поездки с Наташей на рынок. Чего только она там не перемерила! Трижды они обошли и пересмотрели все прилавки. Продавцы уже их приметили и стали искоса подозрительно посматривать, опасаясь, что под видом привередливых, интеллигентных покупателей скрываются обычные уличные воришки, которые высматривают, что бы стащить, что плохо, без присмотра лежит. И когда наконец Наташа купила малиновый костюм, прежде в течение получаса со всех сторон его осмотрев и ощупав, он вздохнул с облегчением, как, наверное, и торговцы, заподозрившие было неладное.

На последний, решающий экзамен она, как того и хотела, в нарушение всех правил и традиций, пришла в обновке. Костюм на ней, к слову сказать, сидел просто великолепно, подчеркивая со всех сторон ее миниатюрную худощавую фигуру. Девушки, от которых редко ускользает малейшая новизна туалета, тут же принялись ощупывать и расхваливать обновку, что привело Наташу в еще больший восторг. Олег был грубовато вытеснен к окну собравшимися на обсуждение девушками и даже почувствовал себя здесь лишним. Он немного смутился, но не только оттого, что про него забыли, а еще и оттого, что Олеси среди девушек не было. Он оперся на подоконник и посмотрел в окно. Несколько дней подряд солнце палило нещадно, словно где-то там, наверху, неожиданно сломался термометр и невозможно было теперь установить более терпимую температуру. Сквозь радужные разводы стекла Олег видел, как скручивается в спираль не вовремя умерщвленная, посеребренная трава. Горстка ромашек прямо под окном опустила свои крупные цветки к земле, преклоняясь перед величием и несокрушимой силой светила, на которое они немного похожи, и стараясь хоть ненадолго сохранить белизну тоненьких нежных лепестков. Ветра совершенно не было, и клены ни одним выцветавшим листиком не подавали признаков жизни, и казалось, что трава, цветы, деревья и бледная голубизна высокого неба были нарисованы на стекле одним единственным мазком невидимого, но очень талантливого художника, для которого нет в мире ничего невозможного, как и нет ничего тайного.

Девушки на мгновение примолкли, и Олег повернулся к ним. Они уже перестали обсуждать Наташин костюм и теперь внимательно изучали какие-то листы бумаги. На лице Наташи не было теперь той первоначальной бледности и растерянности, которая вначале немного пугала его, и он побаивался, что Наташа не так скоро, как хотелось бы, привыкнет к суете и напряженке студенческой жизни. Но этого, к счастью, не произошло, а в том, что она поступит, Олег не сомневался, только бы нервишки не подкачали.

Только теперь, неожиданно для себя, он заметил, что рядом с Наташей спиной к нему стоит Олеся. Его как током шибануло, он мгновенно оказался рядом.

– Последний бой, он трудный самый, – пропел Олег, выделяя каждое слово.

Олеся повернулась к нему и негромко поздоровалась. Она мило улыбнулась, и глаза ее засияли так же, как они светились при их знакомстве: неподкупной радостью общения. И у Олега на душе стало тепло и радостно, и он готов был стоять вот так рядом и смотреть в эти удивительные глаза хоть целую вечность, только бы никакие горести и печали не отобрали у них неземного их сияния.

Олеся слегка покраснела от такого пристального взгляда и опустила глаза к листам бумаги в руках, завиток волос дрогнул и сдвинулся к переносице.

Олег придвинулся ближе, вдохнул свежий ландышевый аромат, закрыв глаза от наслаждения, а потом спросил:

– Это что за научные труды?

– Вопросы к экзамену по истории, – ответила Олеся, отведя непослушный завиток волос в сторону.

– И чего там пишут? – стараясь быть как можно более равнодушным, спросил Олег, придвигаясь вплотную к ней.

– Смотри, – ответила Олеся и протянула ему уже слегка помятые листы с вопросами.

Историю Олег любил больше всех предметов и довольно неплохо знал (поэтому, наверное, и любил), и он стал припоминать, читая бегло строчки, даты и соответствующие им события, стараясь вкратце их пересказать.

– Откуда ты все это знаешь? – перебила его Олеся.

– Ну я ж еще не совсем старый и извилины кое-какие сохранились, – отшутился Олег.

Олеся звонко засмеялась, забыв, что совсем рядом за дверью идет экзамен, но тут же спохватилась и виновато прикрыла рот ладонью.

Из аудитории выплыла напыженная, со сдвинутыми на краешек носа очками Вика. Волосы ее из черных превратились в рыже-алые: то ли краска подвела, то ли она невнимательно прочитала инструкцию. Девушки тут же ринулись к ней узнать результат.

– Моя очередь, – сказала Олеся и вздохнула.

– Все будет хорошо, – попытался успокоить ее Олег.

Она благодарно взглянула на него и бесшумно скрылась за дверью.

Как бы он хотел сейчас войти вместе с нею, сесть рядом и крепко держать ее за руку, чтобы она чувствовала и знала, что и за нее кто-то волнуется и переживает. Но это было, к сожалению, невозможно. Жизнь зачастую сводит нас нос к носу с судьбой, и никто не знает, какой стороной эта самая судьба к тебе повернется.

Олег нервно засунул руки в карманы и отошел в сторону. Наташа еще не вышла из аудитории, и он не хотел, чтобы она видела его таким взволнованным. Он оперся было ладонями на освещенный солнцем подоконник с видимыми теперь самыми мелкими трещинками, но тут же отдернул руки, так раскален он был солнцем...

Минут через пятнадцать выпорхнула из дверей сияющая Наташа, и только дурак не догадался бы, что у нее все хорошо.

Она пробилась к Олегу сквозь кольцо плотно обступивших ее девушек и громко воскликнула:

– Все, конец моим страданиям!

– Мо-ло-дец! – пропел он и обнял ее. – Не хочу тебя огорчать, – задумчиво продолжил он, – но это далеко не конец твоим страданиям и разочарованиям, это только начало.

– Ну это будет потом, – фыркнула Наташа, сморщив нос, – а сейчас я наконец-то могу расслабиться.

– Кто там за тобой сел? – как бы невзначай поинтересовался Олег.

– Кажется, Олеська. А ты никак переживаешь? – ехидно проговорила Наташа и толкнула его в бок.

– Просто поинтересовался, уж и спросить нельзя! – попытался возмутиться Олег.

– Да ладно, не оправдывайся, – успокоила его Наташа и стала складывать в сумочку все свои бумаги.

– Надо экзаменационный лист в приемную комиссию сдать, – вдруг вспомнила она, – сходишь со мной?

– Нет уж, – добродушно сказал Олег и кивнул головой, – ты теперь без пяти минут студентка, привыкай сама.

– Ладно, буду привыкать, – согласилась Наташа, – жди меня здесь.

Она подпрыгнула на месте, взмахнула руками и почти побежала по коридору, звонко цокая каблучками.

Скоро из аудитории вышла и Олеся. Она отыскала глазами Олега и виновато улыбнулась. Он подошел ближе. Девушки уже терзали ее экзаменационный листок.

– Ну как же, – возмущалась больше всех Вика, которой и самой фортуна не улыбнулась, – «тройку» вlepили! – Ты такая красивая, а они тебе «тройку»!..

Олесе стало неудобно от ее слов, и она опустила голову.

– Не все, к сожалению, в нашем мире решает красота, – вмешался Олег, взял Олеся за руку и отвел в сторону.

Она послушно пошла за ним.

– Что мне теперь делать? – почти прошептала Олеся.

Олег прочел в ее широко распахнутых глазах мучительную безысходность. Ей хотелось заплакать, но она мужественно держалась. Он готов был успокоить ее, спрятав в своих крепких объятиях, чтобы она поскорее забыла об этих проклятых экзаменах. Но кругом были люди, и он еле сдерживал себя. Да и как бы сама Олеся восприняла его неожиданный душевный порыв? Он лихорадочно думал, что ей ответить, что предпринять, чтобы успокоить ее, хотя и понимал, что сделать это практически невозможно. А тут еще внезапно нахлынувшее чувство сострадания мешало мыслям войти в нужное русло.

– Знаешь что, – наконец нашелся он, – давай я узнаю все в приемной комиссии, ты отдохнешь, а потом мы с тобой встретимся, – он мельком взглянул на часы, – часа в два у центрального входа. Сможешь?

Олеся кивнула.

– И на пляж можем съездить. Ты только не расстраивайся.

Она попыталась улыбнуться, но от этого выражение лица ее стало еще печальнее.

– Тебя проводить?

– Нет, спасибо, Олег, не надо. Ты Наташу дождись, ты ведь с ней пришел, а я не потеряюсь.

Она нехотя повесила сумочку на плечо и, не оглядываясь, медленно пошла к выходу.

VII

Время тянулось невыносимо медленно, испытывая терпение Олега. Еще не было и двенадцати, а он уже сидел на скамейке перед центральным входом в институт, спрятанный от жары огромным молчаливым кленом. Крутил головой из стороны в сторону, слушал разогретый недвижимый воздух и размышлял, что он будет говорить Олесе, ведь в приемной комиссии ему ничего конкретного не сказали, но, однако же, и не отбрили коротким, лаконичным «нет».

Беспокойство в нем нарастало: он резко вставал со скамейки, ходил то засовывая руки в карманы, то, как приговоренный к вечным мукам арестант, складывая их за спиной; на часы старался не смотреть, но рука, опережая его желание, руководимая теперь неподвластным ему подсознанием, то и дело подносила циферблат часов к глазам, и он впивался в него, сию секунду ускорить ход замерших на одном месте стрелок; отрываясь от часов, нервно запрокидывал голову, вглядываясь до рези в глазах в бездонную голубизну неба, у которого была одна забота – вовремя сменить день ночью да томить впечатлительные души пиитов, изматывающих себя вечным поиском решения неразрешимого.

Внезапно возникшее на небосводе легкое облачко прикрыло солнце, и оно резко очертило свой правильный контур. Сила света уменьшилась, и на землю опустилась серая тень.

Олег снова тяжело опустился на скамейку и замер. Стайка воробьев шумно опустилась прямо перед ним и деловито стала выбирать из толстого слоя пыли драгоценные крошки хлеба. «Жить для того, чтобы жить», – подумал Олег и резко забросил ногу за ногу. Воробьи мгновенно метнулись в сторону, сели поодаль и снова принялись решать свою единственную проблему выживания...

Без пятнадцати два он уже стоял на тротуаре, внимательно вглядываясь в равнодушные лица прохожих, быстрым движением смахивал стекающий на глаза пот, перекидывал в другую руку пакет с полотенцем и снова терпеливо ждал.

Так он простоял на одном месте до половины третьего: Олеси все не было. Тогда он стал придумывать ей оправдание за опоздание, додумавшись только до, как назло, сломавшегося троллейбуса и характерной извечной черты большинства женщин – не приходит вовремя. Но когда время приблизилось наконец к трем часам, в голове у него стали появляться совсем иные мысли. Всем своим существом он противился им, но действительность была неумолима. От мысли, что она не придет вообще, ему стало на мгновение холодно. А потом он окончательно почувствовал себя брошенной на улице собакой. Это уже было выше его сил, хотя в глубине души он знал, что она не придет. Как же он стал противен и ненавистен сам себе, что поддался ее чарам и стоит теперь как деревянный истукан на перекрестке дорог, одинаково ведущих в пропасть. Он до боли сжал кулаки, чтобы сдержать рвущуюся наружу нечеловеческую злость, но злость только на самого себя, безумно понадеявшегося на неожиданное счастье. «Я ей был нужен только тогда, когда она сдавала экзамены, а теперь... теперь она поняла, что ее надежды на будущую учебу не оправдались, и она просто-напросто... не пришла», – не только подумал, но и почувствовал каждой клеточкой своего тела Олег, и окружающий мир померк в его глазах.

Он машинально взглянул на часы: двадцать одна минута четвертого, повернулся впол оборота, замер на мгновение и медленно поплелся через аллею к дороге. Краем глаза он уловил непонятное движение на тротуаре, снова бессознательно остановился и повернул голову. Расталкивая прохожих, ему навстречу не бежала, а почти летела Олесья. Он тряхнул головой, не веря своим глазам, но это была действительно она. Чуть не наткнувшись на Олега, она, взмокнувшая, с пылающим лицом, резко остановилась и, часто, глубоко дыша, затараторила:

– Троллейбус сломался, пробка, два километра шла пешком.

Олесья смахнула со лба мокрые волосы, шумно выдохнула воздух и продолжила:

– Я ключи оставила в квартире и захлопнула дверь, а хозяин с дачи приедет только завтра.

– Я думал, что ты не придешь, – выдавил из себя Олег.

– Нет, пусть лучше мне будет хуже, чем кому-то другому, – твердо сказала Олеся, поправляя сумочку на плече.

Никогда еще Олегу не доводилось слышать таких слов. И не встречал он до сих пор человека, который бы о других, совершенно чужих людях заботился больше, чем о себе самом. Такого просто не могло быть. «Хозяин придет только завтра», – напомнило ему ожившее сознание последние слова Олеси, и он сказал:

– На улице ты не останешься. Подожди пять минут, а я сейчас решу эту проблему.

Он опрометью помчался к размещающемуся в институтском общежитии профилакторию, в котором жили его однокурсницы. «Пусть лучше мне будет хуже», – молнией мелькало в голове.

Обратно он несся так же ошалело, совершенно не глядя под ноги.

«Пусть лучше мне будет хуже, чем кому-то другому»...

VIII

Привокзальная площадь гудела как пчелиный улей. Приходили и уходили поезда, протяжным львиным рыком оглашая очередную пяти-десятиминутную остановку, для приема раскрытыми черными пастями купе новой потной массы тел, покидающих без сожаления на целый месяц, на время отпуска пыльный загазованный город, чтобы потом, по приезде, со спокойным лицом, стиснув зубы терпеть давку и беспардонные тычки по самым чувствительным местам более нервных невольных соседей, обозленных селедочной наполненностью салона автобуса или троллейбуса; милостиво переносить придирки и меркантильные замечания начальника; глотать невкусные, но дорогие лекарства, сетуя на магнитные бури и повсеместную загаженность окружающей среды.

Но теперь, когда легкие уже почти ощущали упоительную морскую свежесть, никто из счастливчиков не обращал внимания на нестерпимую нагретость воздуха, и потому взмокшие, пестрые, широкие и узкие спины быстро исчезали в темноте тамбура, словно боялись внезапного отхода поезда или сумочно-чемоданного затора.

С шумной привокзальной площади, с трудом пробившись сквозь толпу провожающих, отъезжающих, из-за тяжести и объемности поклажи не имеющих возможности варьировать движение и потому прущих напролом, они, держась за руки, по гулким железным ступеням взобрались на мост. Впереди, над бледно-зеленой листвой тополей и дубов, витая невесомым голубым пятном с серебристыми блестками волн, словно огромное облако, опустившееся на верхушки высоченных от постоянного избытка влаги великанов-деревьев, виднелся пляж.

Наверху ветер был чуть прохладнее и сильнее. Олеся одной рукой придерживала набегающие на лицо волосы, а другой крепко сжимала руку Олега.

Внизу грохотал локомотив, загоня сцепку вагонов в тупик. Пахло смолой, углем и ржавчиной. Отутюженные многотонными колесами рельсы отражали прямой солнечный свет, ослепительно сияя бесконечными серебряными жилами.

Через несколько минут они спустились с другой стороны моста у длинного кирпичного забора и ступили на узкую, с редкими травинками в трещинах асфальта тропинку, ведущую на пляж. Посыпанная крупным речным песком, местами чернеющая пятнами густого мазута, тропинка оказалась в тени, скрытая от солнечного пекла высоким забором. Захотелось замедлить шаги, чтобы отхлынула от разморенного тела сонная усталость. Густые оскари, свесившись через забор, как через перила, старались дотянуться до ее головы, заглянуть в лицо бесконечным множеством зеленых глаз и коснуться ее кожи. Где-то сзади уже тише забормотал тарабарщиной репродуктор над дверью вокзала, потянулся вслед уходящему поезду звонким эхом, и стало слышнее шуршание острых песчинок под туфлями.

Две тени, широкоплечая, чуть сутуловатая и безупречно стройная легли на широкую асфальтированную дорожку, постоянно сокрытую шатром листвы; скользнул мимо свежий ветерок с пляжа, и потревоженные листочки дружно захлопали в ладоши, удивляясь, наверное, природной несовместимости вплывших под шатер теней.

Впереди замаячил маленький, похожий на избушку на курьих ножках домик лодочной станции с красным спасательным кругом на дощатой крыше. Стали слышны глухие шлепки по волейбольному мячу, залиvistый смех детей и громкое буханье о воду погрузивших за долгое зимнее сидение тел.

Тень листвы неожиданно кончилась, и остывшие тела сразу же обожгло кипятком воздуха.

Они шли молча. Мысли Олега витали неизвестно в каком измерении, и ему думалось, что такая необычная, сказочная девушка родилась явно раньше предназначенного ей времени. Он по-прежнему крепко держал ее за руку, как маленького ребенка, чтобы она, не дай Бог,

не потерялась среди сверлящих жадных взглядов и слюнявых ртов; он пытался оградить ее от жестокого, привыкшего только брать мира; но это была жизнь, частицей которой являлась и она.

Олег купил у плотной разомлевшей лоточницы, читавшей до того тоненькую книжицу и ею же разгонявшей обступивший ее со всех сторон раскаленный воздух, большую бутылку лимонада, ласкающую приятной прохладой горячие ладони, и четыре аппетитные сосиски в булочках, прекрасно зная, что после принятия водных процедур желудок обязательно попросит подкрепления.

Олег повернулся к Олеся от безразличного лица продавщицы.

– Я быстренько, – кивнула она в сторону прямоугольного лабиринта раздевалки.

Олег подошел ближе к воде, расстелил махровое полотенце и положил на него покупки. Место было не самое лучшее: берег резко обрывался в воду, и песка на пограничной полосе было мало, но зато кругом была целая поляна свежей, непримятой травы. Олег разделся, облегченно опустился на траву и почувствовал живительную свежесть напоенной речной влагой, примятой его телом травы. Он поджал под себя ноги, примятые травинки вздрогнули и стали медленно выпрямляться.

Недалеко от берега на лодке проплывал пожилой мужчина с впалой, густо заросшей седыми волосами грудью, усердно налегая на весла, и Олег почти почувствовал напряженность сухих жилистых мускулов. Сам он грести не умел, и ему никак не представлялось возможности хотя бы попробовать сесть за весла. Он представлял, как овальные деревянные лопатки плавно скрываются в чуть желтоватой и от света, и от поднятого со дна ила воде, как отброшенные волны, всхлипывая, тупыми мордочками тыкаются в берег. И вода уступает силе настойчивых мышц, растекаясь с обоих бортов лодки закрученными струями вздыбленных волн...

– Вот и я! – раздался восторженный голос за спиной.

Олег нетерпеливо обернулся. Открытое, еще более стройное, чем казалось сокрытое под совершенно ненужной оболочкой платья, скрывающей истинную естественную красоту, тело заставило невольно широко распахнуться глаза; губы захотели вытянуться в трубочку, чтобы восхищенно воскликнуть «о-о-о!», а руки – схватить это чудо природы, забыв обо всем на свете, только кружиться и кружиться единым целым с бесценным подарком милостивого, любящего Бога, напоминающего, что счастье не может и не должно быть одиноким.

Олеся лукаво склонила голову набок, отчего пышные распущенные волосы мягко стеклись на одном плече и превратились в сплошной каштановый водопад.

Олег неотрывно смотрел на ее чуть тронутое первым загаром тело, стараясь высмотреть еще какую-то не замеченную ранее деталь. Олеся же рассеянно, немного задумчиво, смотрела мимо него.

– Наверное, им хорошо, – сказала она с легким вздохом.

Олег тотчас остро почувствовал, что это хорошее, присутствующее где-то совсем рядом, никогда не сможет совершиться с ним. Что ее такая неожиданная близость и затаенный блеск в глазах, взволновавшие его душу как никогда раньше, теперь приобрели обычный вид заинтересованной женщины. Он невольно повернулся к предмету ее интереса. Метрах в трех на огромном светло-коричневом покрывале сидели парень с девушкой, судя по золотым кольцам на безымянных пальцах и бурному поведению – молодожены. Как дети, они слегка толкали друг друга в бок, заглядывая при этом в искрящиеся неопишуемой радостью глаза, потом, взявшись за руки, делали минутную передышку, любясь то чистым безоблачным небом, то искристым отражением солнечных лучей в теплых барашках волн. Окружающие люди их абсолютно не волновали. Они всецело были поглощены радостным чувством безграничной любви, разделенной поровну в ликующих до приятного волнения сердцах.

Олегу показалось, что и Олеся по-доброму завидует их счастью, отыскивая в глубине своей наполненной до краев нерастраченной любовью души подобные минуты обоюдного счастья.

– Окунемся? – робко предложил Олег.

Не сводя внимательного, изучающего взгляда со счастливой пары Олеся, ничего не ответив на его предложение, подошла и присела рядом с ним. Эта волнительная близость жгла его сильнее солнца, отчего он шумно дышал, бессознательно перекладывая руки с одного места на другое. Минута молчания растянулась в вечность.

Олеся вдруг резко повернулась к нему, заговорщицки прищурила глаза и, не говоря ни слова, потащила его в воду. Олег и не думал сопротивляться. Они одновременно плюхнулись в воду, скрывшись в брызгах. От резкого перепада температур на несколько мгновений перехватило дыхание, мурашки лавиной рассыпались по телу, жар отхлынул, уступая мощному натиску воды, и остался над поверхностью, прогревая намокшие волосы.

Олег смахнул мешавшие смотреть капли воды с глаз и взглянул на Олеся. Она по плечи скрылась в качающейся воде, на шее, поигрывая солнечными лучами, висели как намагниченные крупные капли воды. Волосы веером рассыпались вокруг тела, и она, как цветущая кувшинка, стояла с запрокинутой назад головой и смотрела в бездонное голубое небо.

– Поплаваем? – предложил Олег. – Я так давно не плавал.

– Ты поплавай, а я пойду позагораю, – ответила Олеся, моргнув ему обоими глазами.

Олег оттолкнулся и поплыл прочь от берега, сильно загребая руками, отчего вода вздыбливалась перед его лицом и норовила затечь в нос. Когда напряженные мышцы стали ныть от усталости, он остановился, положил руки на воду и обернулся. Олеся сидела на берегу и смотрела в его сторону. Забыв об усталости, он быстро поплыл назад, изредка поднимая голову над водой, пытаясь разглядеть берег сквозь стекающие с мокрой головы тонкие струйки воды.

Пошатываясь от усталости, но чрезвычайно довольный, с освеженным водой телом, он подошел к Олеся и плюхнулся рядом на полотенце. Олеся ойкнула от попавших на ее разогретое тело прохладных водяных капель и вскочила.

– Хорошо, – бодро сказал Олег, – а значит – не грех и подкрепиться!

Он протянул Олеся сосиску, толкнул ее, как стаканом, своей, отчего Олеся заливисто рассмеялась, и стал с жадностью ее уплетать. Сделав то же самое со второй, он вытер ладонью губы и произнес многозначительно:

– Эх, жить хорошо!

Олеся смотрела на воду, но поняла его восклицание и улыбнулась.

Олег лег на живот, подставляя жаркому солнцу совершенно белую спину, скрестил руки и опустил на них подбородок.

– А хочешь, я тебе массаж сделаю? – предложила вдруг Олеся.

– Еще как хочу! – встрепенулся Олег, вытягивая руки по швам.

Олеся стряхнула оставшуюся влагу с волос, собрала их в пучок и, чего Олег никак не ожидал, стала ими медленно водить по его спине. О таком массаже он и не слыхивал. Но так хорошо ему стало от мягкого, прохладного, нежного прикосновения ее волос, что ему стало казаться, что тело его расплывается вслед за ее плавными движениями, всецело растворяясь в ее волосах и навечно соединяясь с нею...

IX

Время пролетело незаметно. Жестокое время не уступает, когда для полного наслаждения не хватает всего одной только минуты, одного долгожданного мгновения, когда глаза смотрят в глаза, но сознание мешает безрассудно наслаждаться отведенными минутами душевной благодати.

По земле широкой полосой, все больше захватывая побережье пляжа, поползла вечерняя тень. Ярко-красное солнце уже коснулось горизонта и часто мерцало, проглядывая сквозь кроны деревьев. А гладь реки превратилась в огромное прямое безжизненное зеркало, отражая все до мельчайшей травинки, и опустевшее без солнца небо. От травы повеяло вечерней прохладой и захотелось закрыть глаза и забыться. Откуда-то из вершин прибрежных дубов соскользнул к земле легкий ветерок, листья тут же стали шептаться, пока он не удрал на противоположный берег, отметив путь своей зыбкой дрожью на воде.

Последняя лодка причалила к берегу, глухо ткнувшись острым носом в гладкие доски причала, около которого слегка раскачивались на волнах и скрипуче терлись боками четыре разноцветных кораблика...

Перестали грохотать поезда, не так сильно, как днем, тревожил обоняние разлитый мазут, и люди медленно, нехотя, молчаливо тянулись через мост редкой вереницей. Зато на троллейбусной остановке было не протолкнуться. Показался из-за деревьев троллейбус, и людская толпа так сильно уплотнилась, что выбраться из нее теперь не было никакой возможности. Олег старался держаться рядом с Олесей, прикрывая ее от безжалостных тычков в спину, но уже в салоне неизвестно откуда между ними возникла, пыхтя и охая, низкая, но крупная, как колобок, старушка. Находящиеся на улице, но не желающие оставаться и ждать прихода следующего троллейбуса напирали. Олег мертвой хваткой вцепился в сиденье, чтобы не задавить приютившегося сбоку шести-семилетнего мальчонку в белой с длинным, закрывающим лицо козырьком кепке. В сиденье что-то хрустнуло, но оно не сломалось. Двери наконец медленно, со скрипом захлопнулись. Все почти одновременно с облегчением вздохнули, и в салоне сразу же стало душно. Троллейбус глухо заурчал, качнулся и стал набирать скорость. Никто в салоне не разговаривал, не желая, видимо, понапрасну выплескивать полученный на пляже заряд энергии, предпочитая вместо пустой болтовни просто спокойно стоять, погружившись в добрые воспоминания или в безрадостные думы о предстоящем рабочем дне и нескончаемых житейских проблемах и заботах.

Олег повернул голову к Олесе. Она спокойно смотрела в окно на сгущавшиеся сумерки, на опустевшие улицы и на замершие, уснувшие на всю ночь деревья. Троллейбус иногда останавливался, но только для того, чтобы обозначить остановку, потому что никто больше не садился, а все отдохнувшие и оставившие невзгоды и печали трудового дня в живительной прохладе воды, ехали до центра города. Олеся не поворачивала головы, и Олегу не хотелось ее тревожить, ведь и у нее могли быть свои девичьи заботы, мечты, желания, вторгаться в которые без разрешения никто не имеет права. Но он и не собирался вторгаться в ее личную жизнь, ему хотелось только взять в свою мужскую руку ее теплую ладонь и никогда больше не выпускать. Он тихо, но глубоко вздохнул и тоже стал смотреть в окно на проплывающий мимо, успокаивающийся город.

Олег от долгого неподвижного стояния и безразличного глядения в окно погрузился в сладкую дремоту, когда почувствовал, как что-то теплое опустилось на его похолодевшую от металлического хромированного поручня сиденья руку. Он вздрогнул и резко повернул голову. Прямо в его немного испуганные глаза внимательно смотрели добрые, спокойные глаза Олеси. Это она, соскучившись без него, как хотелось думать Олегу, положила на его руку свою ладонь. Олеся моргнула ему обоими глазами и плотнее прижала ладонь. Олег тут же расплылся

в улыбке и, наверное, рванулся бы к ней, но путь был наглухо перекрыт похрапывающей, убаюканной плавной ездой старушкой. Он нетерпеливо пошевелился, разминая затекшие ноги, готовый бесконечно долго ехать в этом душном, пыльном троллейбусе, только бы всегда чувствовать бесконечную энергию ее доброго сердца...

Держась за руки, не говоря ни слова, они стояли на остановке. Слов для разговора не находилось, да и зачем нужны были слова, если двум людям и так было хорошо просто стоять, держась за руки. Их не тревожили редкие проезжавшие мимо машины, и в тишине теплого вечера не хотелось думать ни о расставании, уже привыкнув друг к другу, ни о чем другом, что могло бы неожиданным образом помешать им.

– Я пойду, – виновато, опустив глаза, сказала Олеся, – не провожай меня.

– Да, конечно, – грустно ответил Олег и нехотя отпустил ее руку.

Олеся отошла на несколько шагов назад, помахала ему рукой.

– Заходи! – крикнула она на прощание и побежала через аллею к светящемуся огнями профилакторию.

Х

Уже совсем стемнело, и притихшие улицы и тротуары осветились холодным неоновым светом фонарей-жирфов. Густо посаженные тополя и клены слились в сплошную черную гороподобную массу, и только их пики-верхушки, отчеркнутые от чуть мутноватого, искрящегося калейдоскопа звезд неба, были покрыты теперь молочными шапками лунного света.

Олег дважды прошелся вдоль аллеи институтского профилактория. До самой крыши все этажи общежития были залиты светом. Из окон слышались смех и иностранная бубнящая музыка, в которую в паузах вплеталась слезливая русская попса. И там, среди всей этой мешанины звуков скрывалась теперь Она.

Олег завернул за угол, отыскал окно на втором этаже, где Олесю приютили его однокурсницы. Свет в нем не горел. «Неужели уже спят?» – Олег взволнованно посмотрел по сторонам и вернул взгляд на черный квадрат окна. Он понимал, что давно уже пора отправляться спать, но никак не мог сдвинуться с места: она ведь сказала «заходи»...

Смутная тревога мешала ему принять наконец правильное решение, и вообще какое-либо решение, отчего он еще больше разволновался; засунул руки в карманы, не сдвинувшись с места, все сильнее вдавливая ребристые подошвы туфель в асфальт, отчего ступни стали теплеть и по ним побежали колкие мурашки. «А почему бы не зайти?» – подумал Олег.

Время шло, и мозг лихорадочно искал выход из затруднительного положения, чтобы не наградить нерешительного хозяина головной болью на всю ночь. «Пройти мимо вахтерши вряд ли удастся, но это если пойти одному. А если к нему выйдет кто-нибудь, кто здесь живет и имеет соответствующий пропуск... остальное – дело техники».

Олег отыскал у тротуара несколько осколков щебня, подошел ближе к стене и метнул каменную дробь в окно. Стекло дзинькнуло отрывистой трелью, камешки один за другим зашуршали в траве у ног. Окно по-прежнему безмолвствовало. Олег повторил попытку привлечь к себе внимание. Снова в окне никто не появился. Видимо, еле слышное царапанье камешков по стеклу не могло прорваться сквозь ревушую музыкальную какофонию. Тогда Олег набрал побольше воздуха в легкие и крикнул.

Рядом на улице никого не было, а если бы и были, то вряд ли обратили внимание или даже испугались его призывного протяжного крика, приняв сей бессмысленный громкий звук за победный клич восхищенного музыкального фаната.

Олег хотел уже подыскать камешки потяжелее, но тут окно заскрипело и через узкий подоконник свесилась взъерошенная худенькая фигурка Ольги.

– Олечка, ты?

– А кто же еще! – обрадованно воскликнул Олег. – Вы что, дрыхнете уже?

– Придумаешь тоже. У соседей анекдоты травим. Я за кофе забежала, потому тебя и услышала. Заходи к нам, у нас весело!

– Я и собираюсь, – согласился Олег, – только если вы мне поможете.

– Старуха сидит?

– Еще как сидит, – вздохнул озадаченно Олег.

– Ладно! – решительно заявила Ольга. – Бери шоколадку и жди нас у входа.

Ее невесомые плечики вместе с кудрявой головой мгновенно растворились во мраке комнаты.

Ларек – сваренный из железных листов ящик – располагался прямо через дорогу, и Олегу не пришлось далеко ходить. Как только он своими широкими плечами закрыл свет фонаря, пластиковое оконце тотчас распахнулось ароматом жевательно-шоколадной снеди.

– Две шоколадки.

Олег подал в окошко деньги.

– Вам Россию, Питер или Германию? – поинтересовалось со знанием дела заискивающе-вежливое личико в белом высоком накрахмаленном чепчике.

– Любые, желательно только с орешками.

Улыбчивая продавщица пошуршала на полке, и тоненькая ручка с длинными музыкальными пальцами и крупным овальным опалом на указательном пальце протянула покупку, и Олег услышал негромкое: «Приятного аппетита». Олег поблагодарил, подумав: «Вежливо и приятно».

Волнение улетучилось, он присвистнул и зашагал своими обычными метровыми шагами, коих не выдерживал ни один его попутчик, к обитой паркетными дощечками двери с квадратным мутным оконцем посередине.

У двери его уже ожидали щупленькая Ольга и пышнотелая Лена.

– Как пойдём? – тоненьким голоском поинтересовалась Ольга.

– Я дума-ю... – протянул Олег, – что посередине, за вашими широко-кими спинами... меня не так будет заметно.

– Да уж! – мотнула головой Лена и заключила: «Пошли!»

Тыл прикрывала, понятное дело, она.

Вахтерша сидела метрах в пяти от входной двери и что-то читала; как только поверх очков узрела необычно тихо шествующую компанию, тут же рявкнула:

– Куды!

Олег аккуратно обошел миниатюрную Ольгу и, хватаясь за шаткие перила, прыгая через две ступеньки, влетел на второй этаж, на цыпочках одолел длинный, с единственной лампочкой в конце коридор, завернул за угол и оказался прямо перед знакомой дверью с номером «28».

...А внизу старушка мертвой хваткой вцепилась в Лену, которая и не пыталась удирать, повертела, проверяя на достоверность, в руках ее пропуск, и через пять минут девушки были уже в комнате...

Олег тихонько постучал в дверь на случай, если не все еще готовы к его приходу, потом толкнул тоненькую фанерную дверь и, переведя сбившееся уходом от погони дыхание, выдохнул:

– Всем привет!

Чаепитие, после недавнего, по расписанию, сравнительно недорогого легкого диетического ужина, от количества калорий которого особенно не раздобреешь, было в полном разгаре. В самой середине исцарапанного, когда-то полированного стола блестел хромированным глянцем парящий чайник с розовыми чашками на круглом черном подносе, рядом лежало в разорванных пакетиках разномастное печенье, начатый блок сигарет «LM» и громоздились, сдвинутые на край, вперемешку с тетрадами, довольно увесистые учебники.

Кто-то уже пытался уснуть на одной из двух полагающихся в комнате кроватей, отвернувшись к стене, по-детски поджав ноги.

– Присоединяйся, – предложила круглолицая дюймовочка – блондинка Света и зачем-то стыдливо запахла на груди воротник длинного кремового халата.

– Благодарствую, полчашечки хлебну, – согласился Олег, усаживаясь на кровать рядом со Светой, и выложил на стол шоколадки.

Предмета его вожделенных мечтаний в комнате не было.

В комнату вошли освободившиеся из цепких рук вахтерши Оля и Лена.

– Это ж мои любимые, с орешками! – хлопнула в ладоши Ольга, завидев зеленую обертку шоколадки на краю стола. – Спасибо, Олежек.

– Ну я ж знаю, чего дамы желают! – иронически вскинул голову Олег и, кивнув в сторону Лены, добавил: – А заслуженным работникам тыла сладкое даже рекомендовано.

– Все-то ты знаешь, только заглядываешь редко, – укоризненно отпаривала Лена, отчего веснушки на ее молочном лице стали заметнее, и вытащила из пачки сигарету.

- Я ж аки пчела, – все в трудах да в трудах.
- Оно и заметно! – поддержала подругу Ольга.
- А куда это вы Олесю подевали, не замуровали ли? – как бы невзначай поинтересовался

Олег.

– У меня она, в тридцать второй, – выпуская колечки дыма сложенными в трубочку губами, ответила за всех Лена. – По просьбе трудящихся могу уступить свое любимое место. – Она заговорщицки подмигнула Олегу и продолжила:

– Иди, иди, а то она уснет, а девичий сон ух как сладок. – Вскинула руки кверху, потянулась и с закрытыми глазами повалилась на кровать.

– Загляну на огонек, – пропел Олег, допил еще не остывший кофе и встал.

– Смотри, огонек там через раз загорается: выключатель барахлит, – предупредила Лена.

– Главное, чтобы ручки не барахлили, – хихикнула тоненько Света и отвернулась.

Олег воздел указательный палец к потолку и нарочито серьезно, как профессор на лекции, проговорил:

– Истину глаголет!..

За дверью было тихо. Олег приложил ухо к шероховатой грязно-белой поверхности и на секунду затаил дыхание: ни звука. «Спит», – мелькнула в голове единственная объясняющая тишину за дверью мысль. Ему было жаль тревожить ее сон, но и просто так взять и уйти он не мог: после стольких сомнений и переживаний, после партизанского прорыва на запрещенную территорию. Он постучал несколько раз по косяку костяшками пальцев; звук содрогнувшейся двери оказался сильнее, чем он ожидал. Через минуту дверь медленно открылась, и слабый свет коридора, ворвавшись в темную комнату, вычертил на полу неровный четырехугольник и осветил Олесю с прищуренными глазами. Она натянуто улыбнулась, приложив ладони к разолевшим щекам, и Олег почувствовал себя самым последним идиотом на земле.

– Я тебя разбудил? – дрогнувшим голосом вымолвил он.

– Чуть-чуть, – не совсем проснувшись детским голосом ответила она, поправляя волосы, и отступила в сторону, пропуская посетителя.

Олег разорвал полосу света на полу на две неравные части, нашарил сбоку выключатель и с силой надавил на клавишу. Дверь за спиной звонко цокнула. Язык у него приобрел свинцовую тяжесть, и он впервые в жизни не знал, с чего начать разговор и что сказать, хотя днем, на пляже, он совершенно освоился с ее близким присутствием, быть может, оттого, что кругом были люди, занятые только мыслями о своевременном охлаждении разолевших тел и количестве ультрафиолета, льющегося с ясного безоблачного неба. А сейчас была ночь: спокойная, тихая, лунная, когда мимолетные чувства и желания, не стесняемые дневной ограниченностью мира – домами, улицами, стенами квартиры, – могут перевоплотиться в невидимую, растворяющуюся в маслянистой газовой саже ночи страсть, вырывающуюся сквозь телесную оболочку только тогда, когда не будет видно ее страха не осуществиться, остаться только болезненным чувством буйствующей плоти. И рядом, кроме очаровательной нимфы в купальнике и прежнего аромата свежести с легким придыханием речной влаги, никого и ничего не было.

Олег украдкой взглянул на нее и заметил по опущенным глазам и грациозной скованности движений, что и она взволнована его неожиданным визитом и даже немного напугана. Чтобы унять противную холодную дрожь, он засунул руки в карманы и подошел к окну. Молчание затянулось; он понимал, что должен что-то усилием воли выдавить из своего онемевшего горла, но даже внутренний голос подозрительно безмолвствовал.

Как последняя надежда на спасение, сама собой погасла голая, без абажура, на спирали провода лампочка под потолком. Он услышал, как жалобно запищали пружины за его спиной. И он, так и не издав ни звука, быстро разделся, лег на свободную кровать и замер.

В комнате воцарилась гробовая тишина, и если бы где-то на бездверном шкафу или трехногом столе стояли часы, то их строгое размеренное тиканье наполнило бы пустой сумрак ком-

наты неизбежным течением времени, – но их не было, потому бесконечная темень комнаты поглотила до утра все угловатые и плавные изгибы редкой мебели в комнате, смазала выцветшие, частью оборванные обои на стенах с недостижимым теперь потолком, окрасив все вокруг в непроглядный цвет бесконечности, границы которой определить может только неуловимая человеческая мысль.

Олег лежал с закрытыми глазами и не мог даже приблизительно определить, сколько времени продолжается это бессознательное лежание, утопая в пустых глазницах ночи: время остановилось.

Наконец он глубоко вздохнул, поднялся и сел в кровати. Снова глубоко вздохнул и отодвинул толстую тяжелую штору. Только теперь он словно очнулся от забытья и явственно услышал и ощутил всеми клеточками тела голос уснувшего города; возможно, это тишина давила на барабанные перепонки, вызывая слуховые галлюцинации и ощущение присутствия жизни вокруг, но как бы то ни было, Олег слышал слабое жужжание электрического фонаря на столбе у дома, чуть подрагивающий матовый свет которого сделал на негативе асфальта паукообразный отпечаток редких листьев клена; лапки – листья еле заметно шевелились, вплетая в бесцветную паутину ночи всплески отрывистого лепета, похожие на шлепанье босых ног ребенка по мокрому асфальту.

Из-за неизвестно откуда взявшегося на вороненом небе белесого облака выглянула еще ущербная луна, и сразу же перекрестье оконной рамы отделилось и медленно растянулось на байковом одеяле, высветив бархатные шахматные квадратики.

Осветилась стена соседнего дома, на которой крупной прямоугольной пуговицей выделялась еще работающая телефонная будка с выбитыми стеклами и незакрывающейся дверью.

Лунный свет серебрился на одеяле, изредка скатывался на край кровати ровной, слепящей глаза волной и снова замирал пушистым котенком на коленях. Олег взглянул на соседнюю кровать, где лежала Олеся. Он чувствовал, что она лежит к нему лицом. Но она утонула во всепожирающем мраке ночи, так что Олег, как ни вслушивался, не мог уловить даже ее легкого дыхания. И ему стало казаться, что рядом, на расстоянии вытянутой руки, осталась только бесформенная ее тень, а он сошел с ума, сидит и по-идиотски пялится в бессмысленные глаза ночи, все еще надеясь, что ему здесь рады.

Он хотел было встать, но не смог. Тело не повиновалось сознанию, которое не желало смириться с его безысходным чувством одиночества, неуместного присутствия в этой комнате, уже занятой ранее прекрасным живым существом, не издающим ни единого звука своего присутствия. Олег обозлился на себя, что притащился сюда, что поддался магнетическому ее очарованию, не найдя сил сопротивляться внезапному, пусть и мимолетному вниманию к своей персоне. Может быть, она тоже не спит? И теперь, прекрасная и слегка бледная, лежит рядом и наблюдает за его бессловесными, освещенными луной мучениями.

Олег взглянул в лицо луны, укоризненно смотрящей на него слепыми всепроникающими глазами, невесомо плывущей и бодрствующей над спящим городом, бросая причудливые пятнышки света на грязные крыши домов, и твердо решил подняться и тихонько уйти. И в это мгновение уставшее от неподвижного сидения тело сделалось невесомым и поплыло навстречу бессовестной луне. Мрак исчез, и Олег увидел под собой пульсирующие голубые жилки рек, окаймленные изумрудной страной лесов, тянущихся с востока на запад к пустынной безбрежной шири океана. Среди спичечных коробок домов он различил муравьиные передвижения людей, кажущиеся совершенно беспорядочными сверху, искристые разноцветные, с радужными бликами огоньки светофоров на перекрестках дорог и семафоров на крохотных железнодорожных лесенках. И где-то среди этой муравьино-черепаший возни была сокрыта и его жизнь, бестолковая, но для какой-то цели задуманная Творцом. Где-то был его дом, где эта самая жизнь начала свое произвольное течение и где она, вполне возможно, и оборвется в неизвестный никому час душевной печалью несбывшихся надежд и мечтаний. Останется только

луна, неизменная и сонная, укоряя кого-то другого в медлительности, бездействии и бесцельности молодой жизни, не желающей воспользоваться предоставленной возможностью испытать волнительные и упоительные минуты счастья...

– Почему ты не спишь? – вырвался из темноты робкий голос.

То, что она первая нарушила тягостное бесконечное молчание, тронуло сердце Олега, он пожал плечами и тихо ответил:

– Не знаю... Я не могу спать, когда ты рядом, не могу лежать здесь один.

Снова воцарилось молчание. Луне надоело наблюдать за этим бессмысленным разговором, и она унесла свой матовый фонарь в окно другой комнаты.

– А ты почему не спишь?

Темнота не ответила.

– Я, наверное, пойду, – грустно сказал Олег и скинул ноги с кровати.

– Не уходи, – заволновалась тишина и с дрожью в голосе добавила:

– Думаешь, мне легко быть наедине с мужчиной?..

– Можно к тебе? – робко спросил Олег.

Рядом заскрипела кровать, и Олег в одно мгновение оказался под одеялом.

Железная кровать противно заскрипела.

Его тело соприкоснулось с горячим, вздрогнувшим телом Олеси. Он почувствовал ее теплое дыхание и уже еле уловимый запах пляжа. Сердце его взволнованно затрепетало, падая в бездну чувств, и ему не хотелось выбираться из этой бездны, хоть она и страшила его.

Олеся молчала. Она замерла в ожидании, боясь пошевелиться.

– У тебя был кто-нибудь? – вдруг спросил Олег и закусил губу.

– А ты как думаешь? – тут же вопросом на вопрос ответила Олеся.

– Я не знаю, – замылся Олег, – но... я хочу тебя.

Как только он сказал это, сердце его отозвалось в голове мощным толчком крови и замерло.

Олеся ничего не ответила, но Олег почувствовал, что с ней что-то происходит. Он медленно приподнял руку с ее плеча, отчего она снова вздрогнула, и осторожно опустил ее на щеку. Щека стала влажной. Он не видел, он чувствовал пальцами, как крупные слезинки катились из глаз, но она даже не всхлипывала, она плакала молча, словно это душа ее обливалась слезами, тронутая словами Олега.

– Ты плачешь, Олеся? – взволнованно зашептал он. – Прости меня, дурака.

Он погладил ее по щекам, вытирая слезы, но они все катились и катились, крупные и горькие, изливая наружу тайную, мучительную печаль.

– Меня мой парень однажды чуть не изнасиловал, – прошептала Олеся и уткнулась мокрой щекой в его плечо.

– Прости меня, идиота, прости, – затараторил Олег и стал нежно целовать ее в соленые щеки и нос.

Олеся вздохнула глубоко и перестала плакать. Он гладил ее по плечам и спине, успокаивая, как маленького ребенка, которого он только что, сам не желая того, обидел. Все тело его горело, кровь шумела в висках, и он гнал от себя страстное желание овладеть ею. Он знал, что она не будет сопротивляться, потому что только что доверила ему самую сокровенную и мучительную свою тайну. Она доверилась ему, выплеснув наружу глубоко сокрывшуюся боль, и он просто не имеет права предать это доверие.

Олеся уснула и стала еле слышно посапывать, а он все гладил и гладил замороженно ее упругое тело, не в силах остановиться. Он был несказанно счастлив, что она именно ему доверила свою боль, и он не смел теперь даже думать о том, чтобы обидеть ее своей похотью...

XI

Начало светать. Олег осторожно, чтобы не потревожить спящую Олесю, слез с кровати, стараясь не шуметь, оделся, взглянул еще раз на ее спокойное, разомлевшее лицо и пошел на квартиру приводить себя в порядок.

Было еще рано, поэтому вахтерши за столом сквозь стеклянную дверь он не увидел: никем не потревоженная, она тоже спала.

Квартира его находилась недалеко от профилактория, поэтому вернулся он скоро. Вахтерши по-прежнему не было на рабочем месте, и он беспрепятственно мог подняться на второй этаж, но, потоптавшись несколько минут на одном месте, передумал и вышел на улицу.

Утро разгоралось. Солнце еще не поднялось из-за густых развесистых кленов, поблескивая сквозь листву желтыми маячками. Телу было приятно тепло, но не жарко. Прохожих не было, и рассыпавшиеся по тротуару густо воробьи громко наперебой чирикали, радуясь прекрасному тихому утру и тому, что их никто не беспокоит.

Примерно через час вышла Олеся. Она была пышна, свежа и прекрасна, и на лице ее не осталось и капли той печали, которая заставила ее прошедшей ночью так горько плакать.

– Я даже не заметила, когда ты ушел, – сказала Олеся, подходя ближе.

– Я ходил побриться.

– Я подумала, – сказала Олеся и опустила глаза, – я подумала, что нужно ехать домой. А ты, если что-нибудь узнаешь, – заговорила она быстрее, как будто боясь передумать, заглянув Олегу прямо в глаза, – то позвонишь мне. Да?..

На автовокзале было на удивление мало народа, и поэтому билет Олеся взяла сразу же, не выстаивая привычной длинной шумной очереди.

Олег совсем опечалился, но изо всех сил старался не подавать виду, как сильно ему не хочется ее отпускать. Он прекрасно понимал, что, оставшись здесь, она будет переживать и волноваться, как бы ни хотел и ни старался, ничего с этим не поделать. Неудачу и поражение человек переживает и перебарывает сам, один на один с собой, потому что никто, даже самый близкий и родной человек, не сможет влезть в его шкуру и почувствовать то, что чувствует он.

Олеся купила несколько тоненьких кроссвордов, чтобы, как она сказала, дорога не показалась слишком долгой.

Они вышли на перрон. Длинный «икарус» уже стоял на крытой платформе с распахнутой настезью дверью, и пассажиры неторопливо один за другим занимали указанные в билетах места.

Олег с Олесей стояли чуть поодаль. Он рассеянно смотрел то на Олесю, то по сторонам, не зная, что сказать. Рядом с ним стояло самое прекрасное в мире существо, впервые настолько сильно поразившее его, что он до сих пор не верил, что это явь, а не сон. Олеся заметила его волнение и потому с надеждой в голосе сказала:

– Мы ведь встретимся снова?

– Обязательно встретимся, – неуверенно ответил Олег и, взяв ее за руку, добавил:

– Мне тяжело с тобой расставаться.

– А мне легко, потому что я знаю, что мы обязательно встретимся.

Она легонько сжала его руку, встала на подножку, бегло окинула Олега взволнованными сияющими глазами, точно желая запомнить его всего перед долгой разлукой, и, с улыбкой помахав рукой, почти шепотом повторила:

– Мы обязательно встретимся.

XII

Опечаленный тягостным расставанием, Олег проехал свою остановку, не заметив знакомого высоченного тополя, расколотого надвое смертоносным лучом молнии или собственной старческой тяжестью и теперь одноруко нависающего почерневшей рваной культей над бледно-розовым козырьком автобусной остановки.

Он равнодушно вышел на следующей, глядя рассеянно под ноги; вышел совсем один на бесконечно-длинную узкую ленту тротуара среди молоденьких молчаливых тополево-кленовых посадок, уже пыливших в этом году противно-въедливой ватой липкого пуха с ленивой мошкаркой, катающейся на этом невесомом пухе и катящейся нескончаемым черным дождем по лицу.

От точечного, тучного соприкосновения со шквальным их напором, от их вездесущего присутствия невозможно было никуда скрыться, как нельзя было избежать и горести расставания, вкравшейся в самое горячее и больное место молодого одинокого сердца.

Пух весь облетел, сохраняясь мелкими обрывками в побледневшей от жары траве, сказочными игольчатыми желтоватыми комочками, и противная ленивая микроскопическая мошкара тоже исчезла, потому что не на чем ей стало передвигаться. Но Олег сейчас бы наверняка не обратил внимания на живой дождь при ясном безоблачном небе, настолько неожиданно сильно подействовало на него вынужденное расставание, о котором он уже просто не мог не думать. Но когда оно только в мыслях, его можно отодвинуть на неопределенный срок единственным желанием безмерной душевной радости от чувства непреходящего блаженства близости к чему-то таинственному, непостижимому, являющемуся только в мечтах идеалу, и вдруг такому естественному в человеческом обличье и такому понятному и близкому, что, однажды встретившись с ним, можно почувствовать разгорающийся в сердце всепобеждающий огонь неземной любви ко всему живому, ко всему горемычному, грешному человечеству за этот незаслуженный Божий подарок, оплатить который просто невозможно мгновением человеческой жизни, но за который можно всю мучительно-томительную жизнь благодарить Создателя тайной душевной добротой и щедрой беззаветной любовью. Непреходящая печаль мучительно давила на голову снизу вверх, толкая тело в вакуум внезапно обрушившегося одиночества, и Олег наконец сдвинулся с места в ту сторону, куда повлекло его качнувшееся от волнения тело, споткнулся на ровном месте, так что если бы рядом оказались прохожие, они вполне могли бы счесть его за бедолагу-пропойцу.

С опущенной головой он добрал до радужно раскрашенных зонтиков выездного кафе-терия, около которого никого не было, кроме буфетчицы с кислым обиженным лицом, с крашеными пепельными с голубым оттенком волосами, выглядывающими озорно кудрявой челкой из-под ярко-голубого чепчика, что никак не соответствовало очерченным жирно-зеленой тушью тусклым карим глазам, отразиться в которых и заставить блеснуть радостным огоньком можно было, наверное, только зеленой бумажке иноземного производства; но зеленая птица счастья новых русских в такие далеко не еврозаросли вряд ли залетала, и уголки толстых малиновых с черной обводкой губ досадливо глядели в землю. Олег непременно обратил бы внимание на такое монументальное творение рук неопытного ленивого подмастерья, но сейчас он медленно, нехотя уходил от болезненного чувства невозвратимой потери, засунув до упора кулаки в карманы. Долго стоял, прислонившись к дереву, у центрального входа в институт, где совсем недавно наблюдал за пушистым котом – охотником до воробьиных крылышек. Теперь же он и доисторического мамонта не заметил бы в метре от себя. Он тупо пялился на стеклянную в металлической раме входную дверь, в которой мутно отражались жаждущие спасительной влаги, задыхающиеся от разлитого по всему пространству едкого запаха плавящегося

асфальта, противно липнущего к подошвам и протяжно, скрипуче квакающего, отчего непременно хотелось посмотреть, не оторвалась ли это подошва.

Олег неотрывно смотрел на испытующе неподвижную дверь. Вот сейчас качнутся и уплынут куда-то в сторону печальные деревья, сопровождаемые кивком блеснувшего ясно и ярко, вынырнувшего из мути огромного, криво отлитого стекла бездонного неба, прихватив с собою заодно и четкое отражение обломка верхней круглой рейки деревянной скамейки, и в дверном проеме возникнет невесомо в полупрозрачном платье в черный горошек сказочная добрая фея, излучая, подобно долгожданному весеннему солнцу, даже сквозь ненужную, мешающую оболочку одежды чистоту душевной щедрости и ласки, и мудрые глаза ее отразятся в глазах в упор смотрящего на нее долгим ожидающим взглядом счастья.

Такое не забывается, такое помнится всю жизнь, даже если от неизмеримого счастья в сердце останется только острый огненный осколок расставания. Со временем, которое, как известно, лечит, хотя некоторых и безвозвратно калечит и уродует, боль потери притупляется, медленно отпускает крепко скованное одиночеством сердце, и человек живет дальше, но уже не так, как он жил раньше. Настоящая, благостная любовь не забывается, будь она первая, вторая или пятая. Но понять это удастся только спустя много лет, когда осознание жизни входит в иное русло. Мудро устроил нас Творец, что, только потеряв самое дорогое, единственное в своем роде, неповторимое создание, мы становимся чище и добрее. Неправы те, кто утверждает, что умирают от любви. Умирают не от любви, а от осознания этого божественного чувства. Но осознать это чувство, жить с ним и в нем желает далеко не каждый по той простой причине, что любовная лодка разбивается о быт...

Дверь наконец открылась, отбросив в сторону качнувшийся отпечаток деревьев и верхней части скамейки. В проеме возникла грузная вахтерша с мусорным ведром.

Так жизнь возвращается на круги своя.

ХІІІ

С отсутствующим взглядом, задумчивый и растерянный, Олег приплелся на другой день, в субботу, неизвестно зачем в институт. Его чуть не сшиб длинный, жилистый, с седоватой бородкой преподаватель древнерусской литературы Владимир Павлович Карчагин.

– Ты чего такой смурной? – поинтересовался он, переводя дыхание.

Олег очнулся. Он увидел сначала рвущиеся поношенные кроссовки, затем помятые, вытертые донельзя на коленках джинсы, распахнутую клетчатую рубашку и, наконец, горящие не то от безмерной радости встречи, не то от еще чего-то глаза, бледность коротенького тонкого носа, легкий румянец на впалых щеках и растрепанные длинные русые волосы. Олег уважал Карчагина за прекрасное знание предмета и уважительное, отеческое отношение к студентам.

– Да-а-а, – протянул Олег и пожал плечами.

– Как вовремя я тебя встретил! Ты ничем сегодня не занят? – с надеждой глядя прямо в глаза, спросил Владимир Павлович.

– План еще не составлен, – окончательно возвращаясь на грешную землю, медленно проговорил Олег.

– Поможешь мне сегодня вечером? Я, понимаешь... – Он слегка замялся, мельком глянув по сторонам. – С женой я развожусь, кое-какие вещички нужно перевезти на новую квартиру.

– Конечно, Владимир Палч, помогу, без проблем!

– Вот и ладненько! Виктор обещал подъехать. Машину грузовую я заказал на шесть. Если Дробинина увидишь, прихвати с собой, быстрее погрузим пожитки. Значит, будешь?

– Буду! – утвердительно кивнул Олег.

– Ты же адреса не знаешь! – спохватился Карчагин.

Резким движением он выхватил из бокового кармана рубашки всегда носимый им толстый черный блокнот с вложенной в него серебристой ручкой, открыл его наугад, размашисто написал адрес и подал Олегу.

– Это сразу за гастрономом, второй подъезд, третий этаж.

Олег кивнул.

Владимир Павлович дружески хлопнул его по плечу и быстро зашагал к выходу, сильно размахивая руками и мотая из стороны в сторону головой.

Олег постоял немного, раздумывая, как скоротать оставшееся время, и медленно поплелся в библиотеку.

* * *

Виктор Меньшов и Дробинин, которого тоже звали Олегом, были единственными однокурсниками Олега мужского пола. Все остальное пространство курса занимал цветущий женский пол, и поэтому мужская тройка никогда не оставалась без внимания.

Круглолицый Виктор был широк в плечах. Маленькая голова при низком росте придавала ему солидности, к тому же и ходил он почти всегда в костюме. Передвигался неспешно, бесшумно помогая движению короткими, по-детски пухлыми руками. И он вполне сошел бы за преподавателя, но быстрые глаза, лукавый взгляд, короткий розовый нос, маленький рот с припухлыми губами сразу же выдавали в нем не очень усердного студента. И это на самом деле было так. Особенно не любил Виктор писать столь частые контрольные и курсовые работы. И всю эту работу делала за него жена Света, с которой он жил уже два года, успев обзавестись и ребенком. Преподаватели, завидев в его трудах далеко не мужской почерк, интересовались данным несоответствием. Но узнав, что это жена старательно изучает вместе с мужем

все серьезные науки, умилялись столь дружному семейному обучению, и аккуратный женский почерк никак не снижал оценки за работу.

Дробинин был выше Олега на целую голову, немного сутулился при ходьбе, выбрасывая далеко вперед длинные крепкие руки. Носил однотонные футболки и спортивного покрова брюки. При встрече он резко склонял набок голову, и редкие, торчащие в разные стороны каштановые волосы вздрагивали, как от дуновения ветра. Он всегда смотрел в глаза собеседнику, стараясь, видимо, поглубже вникнуть в ход его мыслей, продолговатая голова втягивалась в плечи, и он часто, громко и отрывисто смеялся, вздрагивая всем телом, широко растягивая тонкие губы, причем верхняя каким-то невероятным образом выгибалась кверху, почти касаясь длинного толстого носа, показывая крупные желтые вставные передние зубы. Говорил медленно, словно взвешивая каждое приготовленное к высказыванию слово, отчего первоначально могло возникнуть ощущение преднамеренной лживости и высокомерия. Но Олег за годы учебы хорошо изучил Дробинина и прекрасно знал, что это была всего лишь необычная его манера общения, без всякой двусмысленности, и потому всегда общался с ним по душам. Дробинин был чрезвычайно доверчив, просто уважал, любил людей, и этим драгоценным его качеством пользовались девушки. Он рассказал Олегу, что сейчас живет с очень хорошенькой Галей и даже собирается на ней жениться. Олег, зная его любвеобильность, по-дружески предостерег от необдуманного, скоропалительного принятия столь важного решения. Дробинин выслушал Олега, задумался на мгновение, а потом, широко улыбнувшись, сказал:

– Но она такая хорошая девчонка!

Олег тоже улыбнулся, не найдя, что ответить. Да и что можно было возразить на его легкое и естественное принятие жизни.

* * *

На помощь Карчагину Олег выехал в начале шестого, не зная, куда еще себя деть, и не напрасно: по дороге почти на полчаса застрял в пробке из-за аварии на перекрестке, отчего разволновался, сильно взмок и от духоты, и от волнения, но около шести все-таки оказался у означенного гастронома.

Обойдя стороной шумно толпившийся у магазина народ, Олег обогнул еще и пятиэтажку и оказался недалеко от края оврага. В нос ударил резкий, щекочущий запах сухой полыни. Олег подошел к краю. Овраг был довольно глубок, изгибался круто и исчезал за пригорком в густом непроглядном лесу, на опушке которого кое-где зеленели редкие сосны. Со дна оврага потянуло сыростью. Олег пошел по дороге и на углу дома увидел ярко-голубой «ГАЗон» с огромной прямоугольной будкой, подогнанный прямо к обвисшей, изуродованной чем-то острым двери. И ни одной живой души кругом, словно все вымерло или покинуло безвозвратно это унылое, непригодное для жизни место. Ни номера подъезда, ни номеров квартир нигде не значилось, да это Олегу и не нужно было, потому что других грузовых машин рядом не было.

Олег вошел в подъезд. Отпечатки грязных ботинок на изодранных и исписанных различными изысками потустороннего вроде бы человеческого разума говорили, нет, кричали о том, что в этом сарае конца двадцатого века просто не могут жить люди. Но они здесь все-таки жили и даже заводили детей, подтверждением чему служила новенькая пестрая детская коляска у обитой черным дерматином двери с желтой цифрой «8» над глазком.

Олег поднялся на третий этаж. Дверь в квартиру была распахнута настежь. Из глубины доносились глухие хлопки и громкие непонятные возгласы. Из квартиры напротив вкусно пахло готовящимся ужином. Олег тряхнул головой, отгоняя внезапный приступ голода, и двинулся на шум, миновав осторожно, чтобы ни на что не налететь, узкий темный коридор. Открыл широкую стеклянную дверь и вошел в комнату. Прямо перед ним стоял Виктор и

держал мешок, в который стоящий на коленях Карчагин ловко забрасывал сваленные на полу книги.

– Вот и подмога подоспела! – попытался улыбнуться Владимир Павлович, но тусклые глаза его сказали о том, что большой радости от этого переезда он не испытывает.

Слева от двери Олег увидел старый покосившийся диван с когда-то лакированными, а теперь стертymi до текстуры дерева подлокотниками; белый, служащий письменным кухонный стол у окна с громоздкой желтой настольной лампой на нем, заваленный бумагами, папками и газетными вырезками. Все остальное пространство комнаты занимали... книги. Многие были уже беспорядочно уложены в мешки и составлены в угол у двери, но много еще и оставалось на самодельных, сколоченных из струганых досок стеллажах. Никогда ранее Олегу не доводилось видеть такое богатство книг вне библиотеки. Видно было, что книги эти собирались не только ради их наличия, потому как корешки на некоторых совершенно отсутствовали, а чтобы листы не распались, – заменены скотчем или простой белой бумагой. Каков же должен быть мозг, чтобы вместить в себя все это бесконечное богатство человеческого опыта и мудрости, переварить, осмыслить и умело делиться этим с другими!

Карчагин или устал от однообразной работы, или почувствовал мысли Олега, но вдруг громко выдохнул:

– Перекур!

Поднялся с колен и плюхнулся, разбросав руки, на диван, отчего тот глубоко просел под худым его телом, грозно рыкнув растянутыми пружинами. На несколько секунд прикрыл глаза, словно задремав, а потом снова широко раскрыл их, взглянув поочередно на Виктора и Олега.

– Такова правда жизни, – заговорил он, и легкий румянец от работы исчез с лица, и оно стало бледным и холодным.

Никто его ни о чем не спрашивал, но ему необходимо было высказаться, хоть малую часть наболевшего выплеснуть наружу, чтобы испытать кратковременное облегчение от резких перемен в жизни, и он продолжил спокойно и грустно, как будто читал в книге отрывок из чужой несложившейся жизни:

– Ну вот не нравится ей, что я люблю книги, что я сутками просиживаю в этой комнате, а теперь, как видите, и живу здесь, вернее сказать, жил. Не могу я не читать и не писать, не могу. А она твердит, что ей муж нужен, а не писатель. Сама по ночам на телевидении пропадает, это, видите ли, ее работа. А у меня, значит, хобби получается. Но меня это хобби с каждым днем тянет все больше и больше. Может быть, это уже болезнь. Но мне нравится так болеть и жить, поэтому пришлось сделать выбор.

Олег заметил, что Карчагин ни разу не произнес имени своей бывшей жены, настолько сильно задето было его самолюбие и редкое в наше время желание саморазвиваться.

В комнату заглянул худой, коротко стриженный, большеглазый паренек лет двенадцати в белой футболке и робко спросил:

– Пап, помочь?

– А, Антошка, заходи, заходи, – оживился Карчагин и, звонко хлопнув себя ладонями по коленям, резко поднялся, снова заставив диван проскрипеть жалобно и протяжно. – Это мой старшой.

Антошка вошел в комнату, тихо переставляя худые, плотно обтянутые черными джинсами ноги, крепко поздоровался со всеми за руку, но при этом печальные голубые глаза его неотрывно смотрели на отца. И ему в такие юные его годы пришлось делать серьезный даже для взрослых выбор – с кем из родителей жить. Он был почти точной копией отца, только щеки его были по-детски припухлы и розовы, наполнены безудержной энергией юности.

– Так, – решительно сказал Карчагин, – давайте-ка мы потихоньку начнем освобождать эту комнату.

Слова «эту комнату» он особенно выделил, и Олег почувствовал, словно и он сам вместе с несколькими квадратными метрами жилплощади потерял намного более весомый отрезок человеческой жизни.

– Загружаем в лифт сначала то, что покрупнее, а потом – что под руку попадет.

Под руку, кроме книг, особо и попадаться-то было нечему. Только грозно рыкающий диван никак не хотел переезжать, цепляясь обветшавшими своими частями за дверные косяки и стены лифта.

Работа заняла намного больше времени, чем Олег предполагал, и уже на последних потяжелевших мешках противно заняла спина, и мешок стал поминутно выскальзывать из ослабевших пальцев.

Тут из соседней комнаты вышла жена Карчагина и негромко поздоровалась. Среднего роста, в бархатном вишневом халате, с аккуратно подстриженными и пышно уложенными пепельно-желтыми волосами она выглядела моложе Карчагина. Приятное загорелое лицо влажно поблескивало, а печальные зеленые глаза смотрели в упор на мужа, ожидая ответного взгляда или каких-то важных слов, на которые не нашлось сил и не хватило времени раньше.

Она плотно сжала бледно-розовые губы – от волнения или боясь сказать что-то неуместно грубое и лишнее. Карчагин исподлобья бросил на нее холодный взгляд и быстро потащил последний мешок к лифту, не в силах уже оторвать его от пола.

И они разошлись, как в море корабли, и каждый продолжит идти дальше своим обновленным курсом, вычерченным на карте жизни борением мнений, желаний, разочарований, неустроенностью быта и слабостью человеческого характера к преодолению этой самой неустроенности, сложностью выбора между желаемым и возможным. Они даже не попрощались, не сказали друг другу привычного «до свидания», словно и не было двадцати лет совместной семейной жизни.

Но что же тогда это было?.. Обман себя и своих детей? Но ведь были же томные взгляды, вздохи, долгие мучительные часы ожиданий и безмерная радость встреч, даже очень коротких – случайных, мимолетных. Увлечение друг другом, уважение и симпатия, переросшие в большую дружбу, принятую ошибочно за любовь, за счастливое воссоединение двух страждущих покоя и умиротворения одиноких сердец.

В один миг любовь друг к другу улетучилась и разделилась непонятным, но собственническим образом: у него – к бесконечным книгам, у нее – к телевидению. И даже не осталось тех слов, которые произносят при расставании и родные, и совершенно чужие люди. У них не нашлось друг для друга этих последних прощальных слов, не обнадеживающих на новую встречу слов расставания разошедшихся из-под одной крыши в разные стороны... врагов; поделено поровну, по интересам и потребностям имущество, разменяна на меньшую квадратуру трехкомнатная квартира, с таким трудом и нервными затратами полученная; поделены честно, поштучно, дети: ей сын помладше, ему сын постарше.

Но память разделить поровну еще никому не удавалось, да и наверняка вряд ли когда-нибудь удастся. Не сможет вычеркнуть Карчагин из своей памяти вытертые до блеска обувью бетонные ступени, обшарпанную скрипучую дверь подъезда и прямо за дорожкой глубокий овраг, так обворожительно и терпко пахнувший вызревшей мятой и пылающий густыми шапками зверобоя; сразу за оврагом – густой смешанный лес, из глубины которого тихими вечерами нескончаемо льются соловьиные сонаты, а в пасмурную, дождливую погоду или прикрытый рваной простыней тумана лес похож на сказочный дворец Деда Мороза с пиками остроконечных башенок-сосен, наполненный до краев всевозможными игрушками и самыми заветными желаниями...

Двенадцатилетний сын Карчагина поехал на машине показывать дорогу к новому жилищу, а Владимир Павлович повел Олега и Виктора на остановку маршрутки, чтобы не

слишком отстать от уже уехавшей, нагруженной драгоценным грузом машины и чтобы шофер не ждал долго разгрузки.

Время за работой всегда летит незаметно. Жаркое дневное солнце уже покинуло посеребривший небосвод, украсив крыши западных высоток мутно-красными коронами заката.

Почти на ходу запрыгнув в отъезжавшую маршрутку, Олег пристроился у окна, а Виктор с Карчагиным протиснулись назад.

Мимо со свистом проносились троллейбусы, битком наполненные уставшими, молчаливыми телами, расплывались за толстыми шторами желтым и голубоватым свечением фары машин, и не верилось, что день подходит к концу, потому что жизнь за окном бурлила никак не меньше, чем днем, время нисколько не меняло своего выверенного веками течения, хотя к вечеру и кажется, что оно замедляется, давая людям возможность спокойно переварить все события насыщенного трудового дня, чтобы потом умиротворенно позволить телу и голове отдохнуть для новых рвений, подвигов, неминуемых ошибок и простого зарабатывания денег для дальнейшего продолжения жизни.

Ехали довольно долго. И когда Карчагин вывел их на нужной остановке, над городом уже всю хозяйничала ночь. Прямо рядом с остановкой, освещенные одним-единственным фонарем, пустовали кажущиеся теперь игрушечными кубики ларьков сельскохозяйственного рынка. От внезапных порывов ветра гулко хлопали клеенчатые накидки, шуршали по асфальту обрывки упаковочной бумаги. Целлофановые пакеты, как ночные бабочки, порхали то здесь, то там. Неприятно кисло пахло остатками дневной жизни от наполненных до краев мусорных баков. Прохожих не было, точно это была не окраина города, а забытая богом деревушка с доживающими земные муки стариками.

– За мной, други! – бодро сказал Карчагин и быстро зашагал вперед, застегивая рубашку на все пуговицы.

Он старался казаться безразлично-сильным, но Олег прекрасно понимал, что начинать жизнь заново, да еще и на новом месте тяжело и даже страшновато, потому что никто не скажет, в какие еще дебри человеческих отношений может завести эта самая новая жизнь.

Подобное чувство он испытал несколько лет назад, приехав на преддипломную практику и войдя впервые в аппаратную радиорелейной станции, не зная, на чем остановить взгляд, блуждающий по непонятному для него нагромождению всевозможной гудящей и щелкающей аппаратуры. Но это было нормальное течение его жизни, к тому же холостой, когда ты ни за кого не отвечаешь, а только пытаешься направить в определенное русло свою молодую, полную радужных надежд и ожиданий жизнь. Здесь же, когда рушится привычный уклад, когда страдаешь не только ты, но и близкие тебе люди, невыносимо трудно найти новое русло жизни, спокойно войти в него и даже просто жить по-новому, приходя не с той стороны на работу и возвращаясь не домой, а на новое место жительства.

У киоска, работающего круглосуточно, что, конечно, было очень удобно для плохо спящего на трезвую голову населения, Карчагин остановился. Зевающая продавщица аккуратно уложила в шуршащий пакет все заказанные им продукты и подала в окошко. Но того, что было гораздо важнее в сложившейся житейской ситуации, в киоске не оказалось. Невдалеке, у совершенно глухой, освещенной прожектором кирпичной стены какого-то государственного учреждения, тихонько сидели на деревянных ящиках старушки, любовно разложив вокруг себя урожай с дачных участков, подсоленный и подслащенный на самого привередливого покупателя, дотошного в выборе закуски. Да и постоянное наличие свободного времени способствовало хоть и небольшой, но все-таки ежедневной прибавке к пенсии.

Увидев озадаченного покупателя, одна из старушек пропищала:

– Эй, милоч!

Карчагин обернулся. Та поманила его рукой. Пока он подходил, она шустро и зорко взглянула по сторонам и вытащила из-за пазухи бутылку водки, скорее всего паленой. Карчагин

расплатился, сунул бутылку в карман и, подойдя к Виктору с Олегом, молча наблюдавшим за этой сценой, натянуто улыбнулся:

– Новое жильё, надо ж обмыть?

Минут пятнадцать шли какими-то темными дворами, на домах не было ни единой таблички с указанием номера дома и улицы, так что Олег немного заволновался: удастся ли найти без провожатого дорогу обратно.

Машина стояла у подъезда с открытыми задними дверями. Новая квартира находилась на первом этаже, поэтому разгрузка заняла меньше времени, чем погрузка.

Занеся последний мешок с книгами, Олег осмотрелся. Некогда довольно просторная однокомнатная квартира была разделена прежним хозяином на зал и спальню, немедленно отведенную под библиотеку. В зале стояла еще свежая двуспальная софа, по дешевке отданная вместе с квартирой, на стене висел огромный, с алыми розами в центре ковер, бесплатно оставленный за ненадобностью переехавшим в лучшую жизнь, побогаче, хозяином. На крохотной черной тумбочке у двери стоял ярко-красный телефон, видимо специально подобранный под ковер. Карчагин сказал, что прежний хозяин оставит ему за доплату и телефонную точку и если он срочно не найдет деньги, то точку отрежут.

Пока Владимир Павлович знакомил студентов с новым жилищем, сын уже поджарил картошку с яичницей. Поставили стол посреди зала, принесли крошечные крашеные белые табуретки с кухни. Нашлись на кухне и стаканы с ложками. Высыпали на стол все содержимое пакета. Антошка включил магнитофон. Ну чем не новоселье!

Только сели за стол, как в дверь несколько раз настойчиво позвонили. Карчагин подпрыгнул на табурете, поднял указательный палец в потолок и побежал открывать.

Из коридора донесся шум, радостные вопли, кто-то заключил кого-то в объятия. В комнату в обнимку с Карчагиным ввалились два здоровенных бородатых мужика с густыми копами смоляных волос, в простых вязаных свитерах с обвисшими горловинами.

– Это мои друзья, медведи-путешественники! – почти прокричал Карчагин, захлебываясь от радости. – Мы вместе по матушке-России колесили с экспедициями.

Он представил их: Виктор Петрович и Михаил Иванович.

Совершенно разными судьбами, складом характера, они показались Олегу кровными братьями, настолько крепка была их дружба, столь необходимая в трудную минуту, в минуту, которая к любому человеку может прийти совершенно неожиданно, и только друзья, приходящие сами, без крика о помощи, одним своим присутствием скрашивают житейские горести и неурядицы.

Михаил Иванович, более широкоскулый, поднял стакан и кашлянул, давая тем самым знак, что он желает сказать тост:

– Друзи мои! – громыхнул он. – Это хорошо, что мы собрались. Всегда хорошо, когда собираются за столом друзья, близкие люди. Не всегда эта жизнь, правда, будь она неладна, позволяет собираться часто, но оттого бывают и радостнее встречи. Рано или поздно жизнь заставляет оседать.

На секунду он замолчал, окинув пристальным взглядом сидящих за столом, и продолжил:

– Случается и так, что приходится начинать жить сначала. Но никогда не стоит забывать, что жизнь – это прежде всего радость, как бы цепко ни брала она за горло, радоваться на исходе последних сил – таков мой девиз. И я хочу, чтобы каждый из вас жил с радостью.

Он замолчал и поднял свой стакан выше. Карчагин, внимательно слушавший и смотревший на него, мотнул головой и звонко хлопнул его свободной рукой по плечу, так что тот довольно крякнул.

Все выпили. За столом возникла принесенная бородатыми медведями гитара. Пели знакомые Олегу песни Визбора, Высоцкого и другие, впервые здесь услышанные, о дружбе, любви, взаимовыручке.

В комнате стало душно. Желаящие освежиться и покурить вышли на площадку. Виктор прилег на софу, а Олег подошел к темному голому прямоугольнику окна. Неравномерными разноцветными квадратиками квартир светилась ночь за окном, вырисовывая причудливые фигурки формулы жизни за чужими, но такими похожими окнами.

Неожиданно зазвонил телефон. Олег вздрогнул от неожиданности и обернулся.

– Это меня, – изменившимся голосом выдохнул Виктор и пулей подлетел к телефону. – Да, я, – промямлил он, – музыка играет, ну и что?.. Да какие бабы! Я ж тебе говорил... сейчас позову.

Он осторожно положил телефонную трубку на тумбочку, скривил губы и засеменил в коридор. Через минуту в комнату вошел Карчагин и взял трубку.

– Да, здравствуйте, Света, это Владимир Павлович. Да-да, вы уж меня извините, что так долго... Уже поздно, он останется у меня... нет, несколько не стеснит... Да-да... извините еще раз... всего доброго. Волнуется, – глубокомысленно заключил он, положив трубку, и вздохнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.